

Кристина
АРНОТИ

СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

серия *Eterna
l'amour*

Кристина Арноти

Свадебное путешествие

Серия «Eterna-l'amour»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40903244

Свадебное путешествие: Роман / Арноти, Кристина, Пер. с фр. Л. А.

Чечет: Этерна; Москва; 2011

ISBN 978-5-480-00231-7

Аннотация

Кристина Арноти – одна из самых известных современных французских писателей, популярная во всем мире, ее книги стали бестселлерами во многих странах, получили многочисленные призы и премии. И это неудивительно: редкое сочетание захватывающего повествования, страстных, порою странных любовных переживаний, неординарность авторских трактовок и легкость стиля создают необыкновенное и, как пишут французские газеты, «утонченное соединение адреналина и чистого воздуха».

Роман «Свадебное путешествие» сразу же увлекает, удивляет и поражает.

Содержание

1	5
2	41
3	74
4	112
5	125
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Кристина Арноти

Свадебное путешествие

Посвящается Клоду, который заботится о нас, «икиперу» Франсуа, всем мужчинам, которые думают, что хорошо знают женщин

CHRISTINE ARNOTHY
VOYAGE DE NOCES

Перевод осуществлен по изданию: Christine Arnothy. Voyage de Noces

Ouvrage publié avec l'aide du Ministère français chargé de la Culture – Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью Министерства культуры Франции (Национального центра книги)

Дизайн – Александр Архутик

© Librairie Plon, 1994

© Л. А. Чечет, перевод, 2011

© Палимпсест, 2011

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2011

1

Сан-Франциско после полудня был похож на глянцевую почтовую открытку. Оранжевое солнце золотило сине-лиловую водную гладь, испещренную белыми пятнами парусов. На городских улицах толпы изнывавших от жары прохожих то и дело расступались, чтобы освободить дорогу очередному набитому туристами автобусу. Продавцы цветов предлагали купить их красочный товар. Расположившиеся на тротуарах бездомные бродяги размышляли о бренности бытия. Мелкие торговцы наркотиками спешили разойтись по своим делам, в то время как крупные дилеры дремали за тонированными стеклами своих роскошных автомобилей. Воздух пьянил и погружал в сон.

У мэтра Стэнли собрались главные действующие лица одного довольно щекотливого дела. Речь шла о крупном наследстве, которое оспаривалось Ником Фэрбенксом, племянником покойной, и адвокатом, нанятым некоей влиятельной сектой для представления ее интересов.

Еще с утра мэтр Стэнли потерял душевный покой. Ему пришлось принять лишнюю половину таблетки, чтобы унять сердцебиение. Несмотря на то что мэтр умел обходить острые углы, он опасался бурного выяснения отношений между заинтересованными сторонами. К тому же наследник, высокомерный и не сдержанный на язык молодой человек, не

внушал ему большой симпатии.

Мэтр принимал посетителей в своем кабинете, расположенном на седьмом этаже старого административного здания. По той причине, что прошло уже десять дней после того, как к нему в последний раз заглядывала уборщица, здесь царили беспорядок и запустение, а в оконные стекла бились две жирные мухи.

Ник Фэрбенкс пришел на встречу с небольшим опозданием. К джинсам он, по-видимому не случайно, подобрал зеленый пиджак и дешевый галстук, купленный в первом попавшемся ему на глаза магазине. Похоже, что Ник хотел таким образом продемонстрировать полное пренебрежение к предстоящим переговорам, которые были ему не по душе. Он пожал руку мэтру Стэнли, пробормотав себе под нос несколько соответствующих случаю банальных фраз: «Моя любимая тетушка слишком рано покинула этот суетный мир. Какое несчастье!» Мэтр Стэнли кивнул головой в знак согласия и представил Ника мэтру Лестеру, призванному защищать интересы секты «Счастливые на Земле», которая имела безупречную репутацию. Ник опустился в кресло перед столом, специально установленным для чтения завещания, в то время как мэтр Лестер устроился в глубине комнаты. Он сливался с обстановкой кабинета словно крокодил, чье покрытое чешуей тело можно было легко принять за плывущий по реке ствол дерева.

Мэтр Стэнли заметил, что его секретарша забыла поста-

вить рядом с внушительной стопкой документов, касающихся наследства Фэрбенкса, дежурный стакан воды. Одна только мысль о том, что его лишили возможности прервать чтение под благовидным предлогом промочить горло, выводила его из равновесия. Откашлявшись, он посмотрел в сторону Ника. Предполагаемому наследнику было на вид лет двадцать шесть. Короткая стрижка, колючий взгляд темно-серых глаз.

Мэтр Стэнли торопливо прочитал второстепенные пункты завещания, чтобы поскорее перейти к главному.

– «Безусловным и безоговорочным условием, которое надлежит выполнить моему племяннику, чтобы войти во владение оставленным мною наследством, является следующее: в течение двух месяцев, начиная со дня его ознакомления с моей последней волей, ему надлежит оформить отношения с его близкой подругой Анитой Карреро. Ник должен остепениться. Эта девушка, прирожденная мать семейства и хранительница домашнего очага, сумеет обуздать его страсть к приключениям. Этот брачный союз положит конец дружбе Ника с Робинот Раскиным. Последний должен навсегда исчезнуть из жизни Ника».

Ник резко откинулся на спинку кресла. Мэтр Стэнли поднял голову:

– Господин Фэрбенкс? Вы хотите что-то сказать?

– Нет, мэтр. Я просто не смог сдержать своего волнения.

– Я понимаю. Она так любила вас.

Мэтр задержал взгляд на молодом человеке. Эта короткая пауза помогла ему перевести дух. Он продолжил:

– «Ник обязан порвать отношения с Робинот Раскиным, поскольку эта дружба неизбежно приведет его к моральному и материальному краху».

Ник сделал протестующее движение.

– Простите мэтр, что перебиваю вас. Не уточнила ли моя тетушка, каким образом мне следует снимать штаны, когда я захожу в туалет? Или же она дает мне советы, как вылечиться от какой-то болезни?

– Господин Фэрбенкс, каким бы ни было ваше мнение как наследника, закон требует уважения к покойной. Если вы находите условия данного завещания неприемлемыми и невыполнимыми для вас, никто не мешает вам заявить об этом здесь и сейчас. Вы подпишете надлежащий документ об отказе от наследства и отправитесь на все четыре стороны. Наследство тотчас перейдет в собственность секты «Счастливые на Земле».

Ник обернулся.

Мэтр Лестер кивнул ему и улыбнулся. Он так потел от волнения, что затуманились стекла его очков.

– Мы еще не закончили, – ответил Ник. – Продолжайте. Я слушаю вас.

«Было бы слишком хорошо, если бы он сейчас встал и вышел», – подумал мэтр Стэнли. Он выпрямился. Нельзя поддаваться отрицательным эмоциям: ему не грозило полу-

чение тетушкиного наследства. Приходилось рассчитывать только на почасовую оплату своего труда...

– «Я многие годы оплачивала учебу Ника во Франции. И в настоящее время он по-прежнему проживает в этой стране за мой счет. В случае если на момент вскрытия настоящего завещания мой племянник будет состоять, к счастью для меня и к несчастью для Аниты Карреро, в любовной связи с какой-либо француженкой, с которой он познакомился во время своих частых поездок во Францию, и захочет жениться на ней, он получит дополнительно из суммы, предназначенной для подарков моим друзьям, один миллион долларов, а также дом в Динаре, приобретенный в 1948 году. Я включаю это условие в завещание в память об одном французе, которого я любила когда-то. В этом случае Анита Карреро получит мое жемчужное ожерелье стоимостью около 170 тысяч долларов вместе с устными извинениями Ника».

Ник перевел дыхание. Он испытывал такое чувство, словно с его плеч свалилась гора: ему дали отсрочку. У него было в запасе какое-то время, чтобы что-то предпринять. Он попробовал прощупать почву:

– Я уважаю волю моей тети, но мне кажется, хотя я и не юрист, что принуждение к браку в подобной форме противоречит общественной морали и, следовательно, не имеет юридической силы.

– Господин Фэрбенкс, я не думаю, что вы сможете оспорить в суде условия завещания, – сказал мэтр Стэнли. – Тре-

бования вашей тетушки отвечают самой высокой морали. Любой суд окажется на стороне составительницы завещания. А вы сами, разве вы не заявляли о своем намерении жениться на Аните Карреро?

– Это были только туманные обещания. Мне хотелось успокоить тетушку. Она не могла поверить в то, что между мною и Робинот Раскиным никогда не было гомосексуальных отношений. Нас связывала дружба, начавшаяся еще во времена нашей учебы в колледже.

– У вас была любовная связь с Анитой Карреро...

– По взаимному согласию. Мэтр, мы же живем в двадцатом веке. В наше время никто не обязан жениться исключительно из-за того, что имеет с кем-то интимные отношения, какими бы приятными они ни были.

Стэнли пытался подавить растущее в душе раздражение.

– Я здесь не для того, чтобы осуждать кого-то, – сказал он. – Если вы позволите, я продолжу: «В случае категорического отказа все мое движимое и недвижимое имущество, в том числе дом в Сан-Франциско и морская яхта “Иоко II”, перейдет в собственность секты “Счастливые на Земле”, полномочный представитель которой мэтр Лестер постоянно окружал меня поистине братской заботой. Члены этого союза единомышленников, объединенных самыми гуманными идеями, оказывали мне большую помощь и поддержку в период одиночества».

Ник спросил:

– Простите, что я еще раз перебиваю вас. Какова сумма завещанного имущества?

– Мы располагаем только приблизительными цифрами, – ответил Стэнли.

В глубине души он испытывал удовольствие, которое компенсировало все неприятности, связанные с его недомоганием:

– Ваша всеми горячо любимая тетушка владела достаточно крупным состоянием. Она скоропостижно скончалась. У нас пока нет полной описи ее имущества. Могу только сказать, что у нее имелись ювелирные украшения с бриллиантами стоимостью полтора миллиона долларов, согласно оценке тридцатилетней давности, и дом в Динаре, купленный в 1948 году. Все это имущество требует переоценки. По нашему мнению, наследство будет стоить примерно двадцать пять миллионов долларов...

Ник слегка присвистнул...

Мэтр Стэнли поморщился: его покоробили столь вульгарные манеры наследника.

– «В случае женитьбы Ника на итальянке секта “Счастливые на Земле” получит в собственность один миллион долларов и дом в Динаре. Прочие условия завещания Ник Фэрбенкс узнает после того, как женится».

Мэтр Лестер размышлял. Стоило ли ему сейчас вмешаться? Он решил воздержаться. У наследника было всего два месяца, чтобы найти француженку и жениться на

ней. Дело почти безнадежное. Скорее всего оно обречено на провал. Никогда до госпожи Фэрбенкс не доходили слухи о романе ее племянника с какой-либо француженкой. Она непременно поделилась бы с ним таким известием.

– Господа, на сегодня все, – произнес Стэнли. – Ник, если вы в указанный срок успеете жениться, а затем придете ко мне вместе с женой, я вручу вам ключи от дома в Пасифик-Хейтсе. Ключи от яхты, по-видимому, лежат в кабинете покойной. Незадолго до своей кончины она распорядилась провести на яхте ремонтные работы.

Мэтр Стэнли поднялся со стула и подошел к Нику:

– Надеюсь, что в следующий раз вы явитесь ко мне здоровым и невредимым в сопровождении прелестной жены и получите свое наследство.

Адвокат вытер лоб платком. Жара все-таки доконала его. Похоже, что кондиционер вышел из строя.

Все поднялись со своих мест. Секретарша приоткрыла дверь и предложила принести бокалы с фруктовым соком. Стэнли отрицательно покачал головой.

Собравшиеся обменялись несколькими ничего не значившими фразами. Ник начал прощаться:

– Мне жаль с вами расставаться, но мой самолет вылетает в Лос-Анджелес в 18 часов. Мне надо успеть выехать из Сан-Франциско до того, как на дорогах образуются пробки...

Мэтр Стэнли решил сделать вид, что настроен благожелательно по отношению к наследнику.

– Ник, если вам повезет, то вы будете очень богатым человеком.

– Надеюсь, – ответил Фэрбенкс. – Однако требования моей тетушки вызывают у меня досаду. В особенности ее диктаторский тон.

– Ах да! – сказал мэтр Стэнли. – Позвольте внести еще одно уточнение... Если, не дай бог, вы скончаетесь раньше, чем состоится ваша свадьба, то все имущество перейдет в собственность к нашим друзьям из секты «Счастливые на Земле». Будьте осторожны и берегите себя...

Мэтр Лестер с усердием протирал стекла своих очков. Он зажал в кулаке обрывок влажной бумажной салфетки. В знак согласия адвокат слегка кивнул головой, словно покупатель на аукционе, желающий сохранить инкогнито.

– Уважаемый коллега, – сказал мэтр Стэнли, – возможно, вы хотите что-то сказать?

– Наш девиз – заботиться о всеобщем счастье на земле. Мы будем рады поздравить итальянку, будущую госпожу Фэрбенкс. В случае если Ник решит нас удивить и представит нам в качестве жены француженку, мы отнесемся к его выбору с особым вниманием.

Ник улыбнулся. Его рубашка была мокрой от пота, и он боялся, что на пиджаке выступят темные пятна. Подобной жары в Сан-Франциско не было многие годы.

– Вы говорите, что я преподнесу вам сюрприз? – спросил он. – Я имею на это полное право! Речь идет о моей жизни.

Моя тетушка любила повторять, что пути Господни неисповедимы. Мои тоже...

– Вот такой юмор у нашего Ника, – констатировал мэтр Стэнли.

Выйдя из здания, расположенного на углу улиц Джеари и Стоктон, Ник пересек Юнион-сквер, затем сел в такси на стоянке у гостиницы «Святой Франциск». Рядом толпа пассажиров брала штурмом прибывший по расписанию рейсовый автобус.

Ник заехал в гостиницу, оплатил счет за свое пребывание и отправился в аэропорт. Перелет в Лос-Анджелес занял всего один час, в Париж же он летел всю ночь. Затем ему пришлось еще два часа трястись в поезде до Бретани.

Некоторое время назад Ник увидел в Ренне девушку, дочь известного и весьма уважаемого в этом городе судьи. Несмотря на то что он никогда не говорил с ней, она не выходила у него из головы. Для того чтобы успеть познакомиться с этой девушкой, понравиться ей и добиться ее согласия на скоропалительный брак, у него был только один месяц и двадцать девять дней, с учетом разницы часовых поясов. Кроме смутного влечения к этой девушке, у молодого человека возникло желание доказать самому себе, что он способен ответить на вызов судьбы и держать удар.

С целью обеспечения пути отступления на случай провала почти невыполнимой задачи, он позвонил Аните из аэропор-

та, чтобы сказать ей пару нежных слов. Несмотря на толпу пассажиров, которые мешали ему говорить, он поведал молодой итальянке о том, что тетя Джоан удивила его не только широтой своей души, но и непредсказуемостью характера. Увы! Ему надо возвращаться во Францию. Да, да, он обязательно позвонит. Конечно же он любит ее. Совсем скоро у них будет свой дом, «бамбино», а может быть, родится сразу двойня...

– Мне пора идти на посадку, – прервал он разговор.

Он поспешил в зал ожидания, где уже собирались пассажиры.

В тот момент, когда самолет оторвался от земли, Ник взглянул на часы. Время пошло.

В Ренне среди горожан ходили разговоры о том, что судья Корнель и его дочь были из той породы людей, которые видят человека насквозь и способны сразу определить, где правда, а где ложь. И все же девушка надеялась, что ее близкий друг женится на ней, несмотря на его весьма уклончивые ответы всякий раз, когда она заводила речь об их совместном будущем. Молодые люди встречались уже три года, когда в один прекрасный день он заявил, что их отношения исчерпали себя. Последнее время они виделись только по выходным. Он был рассеян и молчалив, а она откровенно скучала. Девушка уже была готова к тому, чтобы порвать с ним, поскольку было задето ее самолюбие, но он опередил ее.

Она преподавала английский язык в частном лицее и теперь боялась начала учебного года. Какими глазами на нее посмотрят ее ученицы? К тому же в отцовском доме ее окружала слишком тягостная атмосфера. Родители старались не упоминать в разговоре драму, пережитую семьей всего несколько месяцев тому назад.

В тот день Элен, укрывшись от любопытных взглядов за темными стеклами очков, шла по улице Сент-Мелани. Высыпавшие из автобусов туристы спешили сфотографировать во всех ракурсах каждое попавшееся им на пути здание и каждую вывеску. Старинные дома с просторными верандами в самом деле выглядели весьма живописно. Праздная толпа скопилась у витрин. Японские барышни раскупали в качестве сувениров поделки местных ремесленников. Элен пожалела, что выбрала эту дорогу. Здесь было настоящее столпотворение. Беспечная и веселая толпа отдыхающих раздражала ее. Пользуясь случаем, она решила купить подарок для ребенка одной из своих подруг. Большинство ее ровесниц уже давно выскочили замуж, за исключением Мириам, ее самой близкой подруги. Мириам не испытывала ни малейшего желания вешать себе на шею хомут. Она без конца повторяла, что лишена материнского инстинкта и холостяцкая жизнь вполне устраивала ее. Толпа туристов не только не уменьшалась, а, напротив, становилась плотнее за счет азиатов. Вдруг Элен показалось, что ее кто-то сзади легонько подтолкнул вперед. Она едва не упала на скользкую брусчатку мостовой.

Чья-то рука подхватила ее. Девушка обернулась. Незнакомый молодой человек с улыбкой произнес:

– Я спас вас.

– Спасибо! – ответила она. – Вы очень любезны. И все-таки я бы не упала. Кажется.

– Безусловный рефлекс, – сказал молодой человек. – Я не успел подумать.

У нее возникло смутное ощущение, что он хотел познакомиться с ней. Она смутилась: небрежно спадавшие на шею волосы, мятая блузка.

– Вы – американец?

– Это заметно?

– Да. Из-за вашей интонации.

– Вы хотите сказать из-за акцента? Вы, французы, помещались на произношении. И вы тут же ставите людей на место. Надеюсь, вы не сбежите от меня из-за моего акцента?

Она поправила сползшие на кончик носа темные очки, а другой рукой неловко попыталась пригладить растрепавшиеся волосы. Молодой человек, одетый в джинсовый костюм, выглядел вполне пристойно. Его манера говорить свидетельствовала о том, что он был из приличных людей.

– Почему я должна сбежать? – спросила она.

– Нас здесь больше не любят. Считают, что мы хотим вас колонизировать

– Никто не может колонизировать Францию, даже сами французы.

Американец улыбнулся.

– Мне нравится, как вы себя позиционируете в общечеловеческом плане...

– В каком смысле?

– Француз – это особый индивидуум. Непредсказуемый.

Молодой человек, похоже, обладал чувством юмора. И он не лез за словом в карман. Ей захотелось продолжить разговор.

– Вы преувеличиваете. Вы проводите здесь отпуск?

– Совмещаю работу и отдых. Я фотографирую прототипы морских яхт. Это совсем необременительное занятие.

В особенности в таком прекрасном месте. В Бретани я захожусь по делам.

Прохожие окружали их плотной толпой и даже слегка толкали. Она стояла рядом с ним, словно не замечая, что творится вокруг. Невдалеке от них остановились два автобуса. Автоматические двери раздвинулись, туристы с затекшими от долгого сидения ногами осторожно спускались по ступенькам на тротуар и подходили к гиду, который раскрыл над головой красный зонтик, чтобы, как пастух, поскорее собрать свое стадо.

– Вы спешите?

– Нет, – сказала она. – Сейчас лето...

Встреча с американцем разбередила ее едва зарубцевавшиеся душевные раны. У нее была возможность провести целый год в Соединенных Штатах Америки, но она пред-

почла остаться в Ренне из-за Рауля. Какая непростительная ошибка! Если ей повезет и ее увидит кто-либо из ее учениц, то распространится слух: «Элен прогуливалась с молодым человеком приятной наружности. Она не теряет времени даром».

– Может, выпьем чашечку кофе?

И он добавил с неким вызовом, придавшим особый вес его предложению:

– У иностранца так мало возможностей обменяться парой слов с истинными носителями французского языка.

Ну вот! Теперь она – туземка, а он – пришелец с другой планеты.

Парочка молодых японцев преградила им дорогу. Мужчина протянул им в руки фотоаппарат. Американец взял его и тут же не глядя нажал на кнопку. Он опасался, что Элен может воспользоваться случаем, чтобы сбежать от него. Но она не двинулась с места.

– Так, кофе?

– Исключительно, чтобы доказать вам, что мы любим Америку.

– Хочу представиться: Ник Фэрбенкс.

– Элен Корнель, – произнесла она, а затем повторила свое имя еще раз по буквам. – Я преподаю английский язык. Возможно, вам польстит, но, по моему мнению, вы несколько не нуждаетесь в помощи носителя языка.

– Ваша фамилия имеет английское происхождение?

– С тех пор прошло уже двести лет.

– Моя тетушка была влюблена в одного из ваших соотечественников, – сказал он. – В 50-е годы она жила в Динаре, о чем хранила воспоминание всю оставшуюся жизнь. По ее словам, послевоенные годы были особым временем. Настоящее возвращение к жизни. Благодатная почва для романтических историй!

Элен не перебивала его.

Он продолжал:

– Она взяла меня к себе после трагической смерти моих родителей. Мне было двенадцать лет. Она постоянно говорила со мной по-французски. Сколько частных уроков преподавала мне тетушка, сколько исправлений ошибок она сделала за завтраками, обедами и ужинами! Но главное состоит в том, что она привила мне любовь к Бретани...

«Еще немного, и он выложит мне всю подноготную о себе, своем доме, жене и детях», – подумала Элен.

– Ваша тетушка время от времени приезжает в Бретань?

– Она скончалась в Сан-Франциско несколько недель тому назад.

Элен остановилась. Наступавшая им на пятки группа туристов была вынуждена разделиться пополам, чтобы обойти их.

– Я влюблена в Сан-Франциско. Я была там целых три раза.

Он не ждал слишком много от этой встречи. Возможно,

у нее есть альбом с фотографиями? Может быть, она сняла фильм и показывает его своим друзьям?

– Иностранцы с восторгом осматривают Золотые ворота и тут же спешат поскорее убраться подальше от этих мест, поскольку боятся землетрясений.

– Не надо обобщать. Сан-Франциско – единственный город в Соединенных Штатах, где европеец имеет возможность со временем адаптироваться.

– Вы уверены? – спросил он.

В его голосе ощущалась скрытая ирония:

– Рассматривать город из окна туристического автобуса вовсе не признак интеграции.

Девушке уже надоел этот навязчивый американец, который разбередил ее старые душевные раны. Она прибавила шаг.

У нее была стройная фигура. Скромная одежда не смогла испортить ее силуэт топ-модели. Они прошли мимо блинной.

– Кафе... Зайдем?

– Я уже не хочу кофе.

– Вы слишком придирчивы к словам.

– Вовсе нет. Это вы слишком резки в своих суждениях.

– Одну секунду, Элен! – произнес он. – Одну секунду...

Он прижал правую руку к сердцу:

– Я торжественно заявляю, что Сан-Франциско – прекрасный город и вы тысячу раз правы. Я могу спеть для вас гимн

этого города.

Она пожала плечами.

– Ладно, я согласна.

В блинной свободным оказался лишь один столик. Официантка приняла заказ. В ожидании блинчиков и кофе Никто хватался за вилку, то теребил в руках бумажную салфетку. Ему надо было во что бы то ни стало расположить к себе Элен. Он решил, что она клюнет на его искренность.

– Горе сделало меня несправедливым. Моя тетья умерла в Сан-Франциско. Если бы она скончалась в Риме, то я возненавидел бы Рим.

Элен взглянула на него:

– Вы настолько любили ее?

– Я был очень привязан к тете Джоан. Я получил от нее в наследство дом в Пасифик-Хейтсе. Из окон верхнего этажа можно любоваться Золотыми воротами.

Последние слова произвели на нее неожиданное впечатление.

– В Пасифик-Хейтсе?

Ее лицо преобразилось. Оно вдруг стало красивым. Столько воспоминаний! Улицы Пасифик-Хейтса... Она часами бродила по ним в каждую свою поездку. Она фотографировала дома, где жили люди, с которыми она никогда не познакомится. Она останавливалась перед тяжелыми воротами, за которыми скрывались сады, хранившие еще больше тайн, чем ее собственные мечты.

– Вы забыли обо мне?

– Вовсе нет. Вы работаете в Сан-Франциско?

– В этом городе я открыл филиал моей фирмы, расположенной в Нью-Порте, на восточном побережье. Но вот уже несколько месяцев, как у меня появились коммерческие интересы в Бретани.

Официантка поставила перед ними большие тарелки со сложенными вчетверо и посыпанными сахаром блинами, а также кофейник и две чашки.

– И какие же это интересы, господин Фэрбенкс?

– Ваши соотечественники строят быстроходные и экономичные суда. Мне хочется ввозить их в Соединенные Штаты, в частности в Сан-Франциско.

Она попробовала на вкус свой блин.

– В бухте Сан-Франциско несчетное число яхт любого размера и на любой кошелек. Что вы хотите к этому добавить? К полному американскому изобилию? Наши судна... Хотела бы я знать...

– Во время нашей следующей встречи, если она состоится – все зависит от вас, – я расскажу вам все преимущества французских яхт.

И, наклонившись к ней:

– Вы интересуете меня больше, чем французское судостроение.

Элен уже отправила в рот половину своего блина.

– Я – средняя француженка. В студенческие годы я путешествовала, имея в кармане только очень скудную сумму денег. Мне довелось на автобусе исколесить всю Калифорнию. Об остальной Америке я имею лишь смутное представление.

– И вы не носите обручальное кольцо, – добавил он.

– Я не замужем.

Он улыбнулся.

– Могу ли я позволить себе такую роскошь, как влюбиться в вас?

Она отложила в сторону вилку.

– Не теряйте понапрасну времени. Я не из тех француженок, которых «имеют» во время командировок или путешествия. Я не пополню ничью коллекцию... Со мной не получится ни любви, ни быстрого секса, – закончила она свою речь по-английски.

Он предпочел продолжить разговор на французском языке:

– Я не имею ни малейшего намерения затащить вас в постель. Вы мне нравитесь. И это все.

Элен отпила глоток кофе.

– Вы, по-видимому, забыли о своей прекрасной половине, поджидающей вас вместе с газонокосилкой. Возможно, у вас есть ребенок или даже двое детей...

– Ни жены, ни ребенка, ни дома, ни газона. Я свободен и холост.

– Свобода – одна из форм одиночества.

Как убедить эту умную девушку в том, что он влюбился в нее с первого взгляда? Он задумался. Роль коварного обольстителя ему давалась с трудом.

– Элен, вы покорили мое сердце в тот самый день, когда я впервые увидел вас...

– Когда и где?

– Я скажу вам, если вы согласитесь встретиться со мной еще раз. В противном случае – какой интерес?

Молодой человек вспомнил, как во время поездки в горы один из его товарищей решил научить его лазить вверх по скалам. Вскоре он отказался от своей затеи. Сидевшая напротив девушка показалась Нику такой же неприступной, как гладкая поверхность отвесной скалы.

Теперь вся надежда на Аниту. Придется, стиснув зубы, жениться на ней. Только бы получить поскорее деньги, яхту и отправиться на край света вместе с Робинотом.

– Вы отказываетесь еще раз со мной встретиться? Похоже, что вы такая же ледяная, как морская вода у берегов Бретани.

– Ледяная? Совсем нет! Она бодрящая. Я регулярно плаваю. И на большие дистанции.

Она оперлась локтями о стол:

– Если верить рассказам таксистов Сан-Франциско, то русские зимой купаются в проруби. Они выскакивают оттуда красные, как вареные раки, и живут долго. Хотелось бы мне увидеть таких людей!

Он прикусил язык, чтобы не сделать замечания, способного вызвать ее раздражение. Он искал хотя бы какое-то пятно на этой гладкой поверхности. Должна же она, как все люди, иметь слабое место.

Элен взглянула на него своими серо-зелеными глазами.

– Господин Фэрбенкс...

– Зовите меня просто Ник.

– Да, возможно, я могла бы так вас называть. Но во Франции мы не столь бесцеремонны, как вы у себя в Америке.

– Каждая нация имеет свои традиции и привычки. Однако со временем все меняется. Я пришел к такому выводу вместе с моим другом. Он является моим компаньоном по бизнесу. Мой друг прекрасно говорит по-французски. Мы живем во Франции почти целый год. Он ведет тот же образ жизни, что и в Америке, а я уже начал понимать французский менталитет.

– Узнать нас, французов, всего за какой-то год?

Она была разочарована. Если он не женат, а его лучший друг живет с ним здесь, вывод один: он голубой.

Ник тотчас же разгадал ход ее мыслей и поспешил исправить свою оплошность:

– Мой друг Робин познает страну через ее женщин. Настоящий ловелас. Он не такой сентиментальный, как я.

Она с облегчением вздохнула. Ник заметил это. И тут же перешел в атаку:

– Я хочу сделать вам одно признание. Возможно, вы бу-

дете смеяться надо мной. Мне удалось с огромным трудом узнать ваш адрес. Время от времени я приходил к вашему дому. Я следовал за вами по пятам. И вот только сегодня я решился с вами заговорить.

Элен возмутилась:

– Вы следили за мной? Это шутка или же у вас какие-то психические отклонения? Навязчивые идеи? Может, вы – маньяк?

Он улыбнулся, как напроказничавший мальчишка, которого схватили за руку.

– Я в отличной физической форме. И с головой у меня все в порядке. Если я увлекся вами, то это вовсе не потому, что психически болен...

Она поставила чашку на стол.

– У вас большие проблемы, господин Фэрбенкс.

Он скорчил гримасу.

– Так я и знал. Это – лишнее доказательство тому, что честные люди всегда терпят неудачу. Преуспевают одни только обманщики. Я открыл вам душу, и что же? Вы приняли меня за идиота.

– Почему именно я?

Она приготовилась выслушать обычные банальные слова: «ваши глаза, ваша фигура, ваша походка»...

– Я поговорил... – сказал он.

– Поговорили? С кем?

– Это секрет. Я выиграл пари.

Сбитая с толку, она спросила:

– Сколько вам лет?

– Двадцать шесть. Однако я не тороплюсь становиться взрослым. Хотя подростковый возраст также мне не нравится.

Он наклонился к ней:

– Я следил за вами и думал о том, как порадуетя моя тетушка, узнав, что я влюбился в настоящую француженку.

– Почему именно я стала француженкой вашей мечты? Вы знаете, мне исполнилось, как и вам, двадцать шесть лет. Однако я уже давно взрослый человек.

С того дня, как ее бросил Рауль, она перестала заботиться о своей внешности. Ей не хотелось смотреться в зеркало. Утром она принимала душ, наспех вытиралась банным полотенцем и, не глядя на себя в зеркало, искала в шкафу чистые джинсы и блузку. С таким же безразличием она чистила зубы и причесывалась. У нее не было желания кому-то понравиться.

– Вы такая естественная, – продолжил Ник.

– Согласна. Естественнее, чем я, может быть только... покойник. Я скорее мертвая, нежели живая. Послушайте, вокруг столько красивых девушек. Откройте любой глянцевого журнала.

– Я не мастурбирую перед картинкой в журнале для мужчин.

Его слова прозвучали слишком резко. Она замолчала.

– Я привык к мужским разговорам. Прошу меня простить. Моя итальянская подруга часто одергивает меня по этому поводу.

– Какая подруга?

– Та самая, на которой я должен был жениться. Должен – громко сказано. Она нравилась моей тетушке. Она считала нашу связь аморальной. Тогда я заявил, что не намерен жениться. И вовремя прервал отношения.

Он жестом подозвал официантку. Вместо того чтобы попросить счет, он заказал еще два кофе.

Настроение Элен заметно улучшилось. Вскоре она собралась уходить.

– Спасибо за ваше приглашение. Желаю вам приятно провести время в Ренне.

Он попытался удержать ее:

– Французский здравый смысл подсказывает вам, как следует себя вести в подобном случае, не правда ли? Наше знакомство не отвечает вашим принципам, и потому вы отталкиваете меня.

– Вам помог случай.

– Счастливый случай – та же удача. Вам неприятна мысль о том, чтобы снова провести время со мной?

– Скорее наоборот.

Ей нравился такой тип мужчин. Хорошие манеры и чувство юмора. Возможно, он неплох и в постели.

– Я хотел бы узнать номер вашего телефона.

– Вам известен мой адрес, если вы следили за мной...

– Ваш номер находится в красном списке. Я спрашивал в справочном бюро. Получил категорический отказ. У меня нет желания ломиться в вашу дверь и, как нищий просит милостыню, молить о свидании.

Она продиктовала ему номер, который он записал на бумажной салфетке. Она спросила:

– Где вы увидели меня в первый раз?

– Если вы поужинаете со мной сегодня вечером, то я, так и быть, расколуюсь и выложу вам все.

Это «расколуюсь», произнесенное с чисто американской интонацией, растопило ее сердце.

С заметным сожалением она встала из-за стола. Он проводил ее до самой двери.

– Элен, когда состоится испытание очередной яхты, я приглашу вас на морскую прогулку по заливу Сен-Мало. При условии, что вы любите морские прогулки.

– Это одно из моих любимых увлечений. Я уже плавала на яхте в Тобаго.

Он решил ковать железо, пока горячо.

– Прекрасно. Я приглашу одного моего делового партнера из Сен-Мало, а затем возьму вас на борт.

– Посмотрим, – сказала она.

Она вышла из блинной на улицу. Ник вернулся за свой столик.

– стакан кока-колы.

Он задумался. Несмотря на то что в тесном помещении кафе было очень шумно, он задумался, ничего не замечая вокруг. Стоило ли ему рисковать потратить впустую драгоценное время? Девушка оказалась крепким орешком. Слишком долго придется ее обхаживать, чтобы она поверила в искренность его чувств к ней.

Он заказал еще порцию посыпанных сахаром блинов. Если жениться на Аните, то ему уже следовало сообщить ей дату бракосочетания. Родственники девушки, родом из Палермо, приняли его только потому, что рассчитывали связать его сначала гражданским, а затем церковным браком. Он спал с Анитой по взаимному согласию. Однако какой цирк! Приехавший погостить в Нью-Йорк сицилийский дядюшка Аниты пригласил его к себе и засыпал вопросами. Почему бы им не сыграть свадьбу? Он защищался как мог. Ему пришлось привести множество веских аргументов: он еще учится, он часто бывает в отъезде, в итоге может пострадать его карьера. Брак с итальянкой казался ему настоящей тюрьмой. Разные взгляды на жизнь, разное вероисповедание. А потом пойдут дети! Как только Анита переступит церковный порог, она тут же перестанет принимать противозачаточные таблетки. Слезы радости, мамины советы, узаконенное воспроизводство. В то же время француженка, напротив, не выказывала признаков гнетущей женственности. Ник хотел обрести подругу, с которой можно будет о чем-то поговорить, а не погружаться в атмосферу семейных скан-

далов, криков, детского плача и постоянного выяснения отношений. С Анитой на его свободе можно будет поставить крест, в то время как с Элен в случае неудачного брака можно будет легко развестись.

Жениться на Элен – все равно что одержать победу над этими непостижимыми и замкнутыми французами. Этот брак помог бы ему освободиться от терзавшей его навязчивой идеи, которую он прятал в тайниках своей души.

Он оплатил счет, вышел из блинной и затерялся в толпе.

Она шла быстрым шагом. Встреча с американцем пробудила в ней желание уехать. Собрать свой походный рюкзак и отправиться на все четыре стороны. Она рассекала летнюю толпу, углубившись в свои мысли настолько, что не заметила идущую навстречу ей Мириам.

– Элен! С каких это пор ты ходишь, как лунатик?

– Мириам, ты здесь? Какая удача! Мне надо тебе столько рассказать. Со мной произошло нечто невероятное.

– Неужели этот подлый Рауль решил вернуться к тебе?

Элен взяла подругу за руку.

– Нет. Речь идет не о нем. Идем скорее. Возможно, за мной следит один человек. Уже некоторое время он ходит за мной по пятам. По крайней мере, он так говорит. Час назад он пристал ко мне на улице.

Мириам с удивлением воскликнула:

– Кто-то пристал к тебе на улице? Не может быть! Совре-

менные мужчины настолько ленивы, что предпочитают, чтобы женщины бегали за ними. Они не желают утруждать себя. Он подошел к тебе? В такую жару?

Элен решила сразить подругу наповал:

– Только не падай в обморок. Это американец.

У Мириам перехватило дыхание:

– Тебе удалось подцепить американца в Ренне, а у тебя такая кислая мина на лице? Женат?

Мириам всегда была верна одному принципу. Каким бы привлекательным ни был мужчина, прежде всего надо узнать, свободен ли он. Однажды она уже обожглась. Любовник бросил ее, а затем отправился со своей законной женой на Канарские острова, чтобы вымолить прощение.

– Он не женат. И он хочет еще раз встретиться со мной.

– Он тебе нравится?

– Нравится? Он прилетел из Сан-Франциско. Этим все сказано! А я так ужасно выгляжу...

Мириам посмотрела на нее:

– Сегодня, похоже, не лучший твой день. Однако не забывай, что между людьми возникают особые импульсы. Я слышала об этом по радио. Эти импульсы воздействуют на всю нашу жизнь, в особенности на сексуальную. Ими объясняется роковое влечение. Давай рассказывай. Я тебя слушаю.

Мириам, темноволосая и темноглазая, с ослепительной улыбкой девушка, давно распрощалась с тем, что она называла излишней сентиментальностью. «Не один, так дру-

гой, – повторяла она. – Главное, не подхватить какую-либо болезнь. Все мужики – слабые существа. Они боятся брать на себя ответственность до такой степени, что в тот момент, когда выдавливают из себя свое жалкое “я тебя люблю”, оглядываются по сторонам. Они опасаются свидетелей».

Подруги прокладывали себе дорогу в сторону площади Мэрии. Освещенные солнцем здания своим великолепием поражали воображение.

– Рассказывай, – настаивала Мириам.

– Он прекрасно говорит по-французски, с легким акцентом.

Элен указала на сборище панков, расположившихся на ступенях городского театра. Украшенные гребнями разноцветных волос на голове, они тарасили глаза на прохожих.

– Если бы я была такая, как они, я бы завтра же уехала.

– Куда и зачем бы ты отправилась? Чтобы сидеть на других ступенях? Не стоит им завидовать. В конце концов, система их обкатает и перемелет, – заявила Мириам. – Может, присядем где-нибудь? Я хочу узнать все.

Они пересекли залитую солнцем площадь, затем свернули на Орлеанскую улицу и сели за свободный столик в кафе с террасой, выходящей на пешеходную зону. Опаленная солнцем веселая и шумная толпа текла мимо них от театра до начала улицы Сен-Жорж. Девушки заказали по шоколадному и ванильному мороженому, облитому кремом шантли.

– Я тебя слушаю, – сказала Мириам.

– Он недурен собой.

– Что ты имеешь в виду?

– Он такой же, как большинство американцев: высокий рост, спортивная фигура, светло-каштановые волосы, темно-серые глаза, правильные черты лица. Ему двадцать шесть лет.

– Не слишком ли он молод?

– Смотря чем заниматься. Он уже имеет собственный бизнес.

– Ты с ним переспишь?

– Возможно, если буду в полной уверенности, что он не разносчик ВИЧ-инфекции. Настали такие времена, что приходится опасаться вступать в половые связи. Впрочем, еще до знаменитого землетрясения в Сан-Франциско я успела побывать в его объятиях.

– Ну вот, – воскликнула Мириам, – ты снова говоришь о своих снах! И когда же это произошло?

– Мне кажется, в 1906 году. Он жил в доме Викторианской эпохи. Я познакомилась с ним во время приема в каком-то темном зале. На мне было дорогое шелковое платье. Я угостила его чаем и пирожными. Он ухаживал за мной, а потом я вышла за него замуж. Во время нашей первой брачной ночи шнуровка на моем корсете и множество пуговиц привели его в ярость. Наконец ему удалось справиться с моей одеждой, и я умирала от страсти в его объятиях до тех пор, пока

нас не засыпало землей.

– Обожаю твои рассказы! Если бы мне встретился мужчина, способный сочинить подобную историю...

Элен могла говорить с Мириам о чем угодно.

– Говорю тебе, мне хочется жить в его городе в Америке. Я хочу уехать вместе с ним. Впрочем, возможно, что я никогда больше не увижу его. Он должен был понять, что со мной нельзя рассчитывать на легкую победу.

Официант принес мороженое и подложил чек под один из бокалов с водой.

Элен решила открыться подруге:

– Меня взволновало прикосновение его руки. И дело не только в желании физической близости. Мне хочется открыть для себя другой мир.

Официант подумал: нет ничего хуже, чем женские откровения...

Беседу подруг заглушал шум, доносившийся с улицы. Терраса была пронизана солнечным светом. И весь город Ренн переливался золотом и охрой.

– Чего же он хочет?

– Я не знаю. Он сказал, что заключил пари. Но это шутка.

– Какое пари?

– Познакомиться со мной.

Мириам рассмеялась:

– Пари? Не смейся меня. Должно быть, он лжет. Между нами говоря, сегодня я не вижу ни одной причины, ради ко-

торой за тобой можно увязаться на улице.

Элен качнула головой:

– Я едва не принялась собирать волосы в пучок на затылке! В знак протеста против всего человечества.

– С подобной прической ты бы точно убила его наповал! – воскликнула Мириам. – А твоя блузка, купленная на распродаже, выглядит весьма эротично...

Элен не стала спорить с с Мириам:

– Я приобрела ее на блошином рынке. Надоели дорогие тряпки. Мятые вещи сейчас в моде. Зачем гладить?

Мороженое было восхитительным, а длинная ложечка удваивала удовольствие от дегустации. Мимо их столика прошла парочка африканцев. На женщине было ярко-красное национальное платье.

– Вот если бы я была в таком платье, то мне был бы понятен его интерес, но я же не так одета.

Они смеялись до слез. Официант обходил стороной их столик. В душе он сочувствовал парню, вызвавшему такой взрыв смеха.

Чуть позже, немного успокоившись, молодые женщины принялись обсуждать свои прошлые путешествия. Они вспомнили, как сидели в аэропорту Хитроу. Элен улетала в Америку, а Мириам со своим другом – в Сингапур.

– Вы могли бы присоединиться ко мне в Калифорнии, в Лос-Анджелесе или же в Сан-Франциско.

– Только не с Дидье... Ты помнишь, какой был Дидье?

Помешанный на экзотике.

– Он тебе звонит?

– Никогда. Пропал без вести. Мужчин хватает только на время путешествия, а после они скрываются в неизвестном направлении. Они с недоверием относятся даже к такому свободному союзу, когда расходы делятся пополам. Куда катится мир! Элен, – продолжила Мириам, – если ты действительно этого хочешь, отправляйся в Сан-Франциско. Я могу дать тебе займы двадцать тысяч.

– Меня уволят из лица.

– Потерпи до рождественских каникул или же до Пасхи, а затем с легким сердцем отправляйся в путь. Деньги вернешь, когда сможешь.

– Ты в самом деле дашь мне займы? – спросила Элен.

– Да, тебе надо вырваться отсюда, глотнуть свежего воздуха. Однако я не буду тебя уговаривать.

Элен уже видела себя в Сан-Франциско. Она снимет комнату. Дешевле всего в китайском квартале. Мириам размышляла вслух:

– Возможно, твой американец чего-то стоит. Не следует бросаться таким парнем.

– Возможно, что его уже и след простыл. Сегодня я выглядела не лучшим образом. К тому же я была не очень-то любезна с ним.

– Все потому, что у тебя нет желания, чтобы кому-то понравиться! Вот в чем проблема, – заметила Мириам. – Хо-

рошая стрижка, умелый макияж, капля дорогих духов, тщательная депиляция – и он будет у твоих ног с предложением выйти за него замуж. Американцы все еще женятся.

У них легко получить развод. Ах эта мерзкая греческая медуза...

Мириам почесала кисть правой руки.

– Сколько же я проглотила таблеток от аллергии! Послушай, твой американец вполне может оказаться здоровым телом и духом. Если он вновь объявится, будь с ним не такой колючей. Тебе повсюду мерещится ВИЧ-инфекция.

– Боюсь умереть из-за столь глупого занятия, как секс.

– Допустим. Однако ты ищешь высокий смысл во всем. Согласна с тобой, секс – занятие глупое, но все же приятное. Не упускай этого парня. Потребуй, чтобы он надел два презерватива... один на другой! Секс с двойной защитой! И звони, если тебе вдруг понадобятся деньги.

– Спасибо, – сказала Элен. – Я постараюсь экономить на всем, чтобы уехать, как только начнутся каникулы.

Мириам наклонилась к ней:

– А пока не теряй времени и приведи себя в порядок. Когда ты хоть чуть-чуть занимаешься собой, ты становишься неотразимой. Как знать? Если этот парень не сумасшедший, не женатый, не мошенник, находящийся в международном розыске, не убийца, не... подожди, не сексуальный маньяк, не...

– Хватит! – воскликнула Элен.

Они рассмеялись и разошлись.

2

Девушка, ждавшая Ника в расположенном в центре города кафе, оказывала за деньги некоторые услуги. В частности, она зарабатывала себе на жизнь в горизонтальном положении. От предложений провести время в номере захудалого отеля у нее не было отбоя. Она уже давно поняла, что привлекательная внешность не является гарантией успеха. Красивой девушке нужно еще и везение. Что это такое? Задержать на себе взгляд рекламного агента, вдохновить на фотосъемку модного журнального фотографа, зажечь огонек желания в потухших глазах престарелого денежного мешка... Счастливый случай свел ее в Ренне с двумя американцами. Всего десять дней тому назад к ней подошел Ник. Не стараясь выглядеть учтивым, он сразу же предложил ей довольно крупную сумму денег в обмен на то, чтобы она прикинулась страстно влюбленной в Робина и увезла бы его из Ренна.

– Речь идет о том, чтобы он поверил, что вы от него без ума. Будто бы вы не можете жить без него... Будто бы у вас еще не было такого исключительного любовника, как он.

Она весьма убедительно играла роль влюбленной. Это не составляло большого труда: обаяние Робина заставило бы растаять ледяную глыбу. Он умел рассказывать забавные истории. У него всегда был при себе необходимый запас презервативов. В постели он был неутомимым любовником и

доставлял девушке немало удовольствия. Кроме всего, ее услуги щедро оплачивались...

Ник подошел к столику Алисии.

– Привет! – произнес он по-английски, затем перешел на французский. – Как дела?

Он сел за столик и заказал две кока-колы.

– Я старалась изо всех сил, – пожаловалась Алисия, – он не хочет уехать из Ренна... Он говорит, что в его отсутствие вы наделаете глупостей и что он нужен вам.

Он посмотрел на нее с озадаченным видом. Алисия была настоящей красавицей. Редкая орхидея, находка для истинного коллекционера. На перекрестке дорог всех народов вырастают порой такие экзотические цветы. Своим матовым оттенком ее кожа напоминала старинную слоновую кость, а блеск глаз заставлял забыть о хищном выражении лица. Общий портрет девушки завершала модная стрижка волос цвета вороньего крыла.

Официант принес две бутылки кока-колы.

– Такие красивые женщины, как вы, легко добиваются всего, чего хотят. Досадно, что у вас пока ничего не получается.

Она развела руками:

– Ему нравятся мои маленькие груди. Он сравнивает мои ноги с лианами. И на этом все заканчивается. Он недоверчив и подозрителен. Он отказался даже на два дня отправиться со мной в морское путешествие на яхте моего отца.

Ник немного помедлил, а затем вынул из бумажника денежную купюру в пятьсот франков.

– Обещание надо выполнять. Выполните мое поручение, и вы получите по две тысячи франков за каждый день отсутствия моего друга... Договорились?

– Да, но не все зависит от меня. Я предложила Робину поехать в Динар, но он назвал меня идиоткой. Что он имеет против Динара?

– У него циклотимия, – сказал Ник. – Вы знаете, что означает это слово?

– Вы принимаете меня за безграмотную дурочку. Я сдала на бакалавра. Едва не завалила, но сдала экзамен.

– Не сердитесь, – начал Ник. – Может я неотесанный, но все же честный и добрый малый...

Она засмеялась.

– Вы?

– Да, я. Я чувствую ответственность за вас. Предупреждаю: Робин не имеет привычки привязываться к кому бы то ни было. Пока вы находитесь рядом с ним, ему кажется, что он любит вас. Однако, как только мы улетим в Штаты, он тут же вычеркнет вас из своей жизни. Будьте вы хоть трижды беременной или умирающей от любви к нему, с него как с гуся вода. Все его красивые обещания – пустое колебание воздуха.

– Вы уверены? – спросила Алисия – На вашем бы месте...

– Вы не на моем месте!

Посетители в кафе смотрели на Алисию во все глаза. Под тонкой льняной тканью блузки угадывалась голая грудь. «Если бы она была такая же умная, как красивая, то могла бы подцепить какого-либо богача и навсегда завязать со своим прошлым», – подумал Ник.

– Алисия, у вас должно все получиться как надо. Плачьте, закатывайте сцены, умоляйте, но увезите его из Ренна.

Она сделала кислую мину:

– Если я согласилась принять ваши деньги, то только потому, что хочу поступить в школу манекенщиц в Париже. Я только о том и думаю. Я почти ничего не ем, чтобы оставаться стройной. У меня такая тонкая талия, что Робин сумел обхватить ее своими пальцами. У меня есть только одна небольшая проблема: икры ног, – но это легко поправить с помощью хирургической операции.

– Хирургия творит чудеса, – согласился Ник.

– Вы насмехаетесь надо мной, – отметила она. – И вы чего-то не договариваете. Вы втягиваете меня в какое-то темное дело. А что будет, если я верну ваши деньги и расскажу все как есть Робину?

– Ангел мой, вы меня шантажируете? Осторожнее на поворотах. Я скажу, что хотел его разыграть, что хотел перед отъездом воспользоваться вашими услугами. Мы еще со времен учебы в колледже всегда уступали друг другу подружек. Однако не злитесь на меня, а лучше поблагодарите.

Ведь я помогаю вам набить кошелек, чтобы устроиться в

Париже. Жизнь – это бег с препятствиями. Однако она должна быть более благосклонной к такой красавице, как вы. Оказать вам помощь – истинное удовольствие для меня.

– Это весьма любезно с вашей стороны, – сказала девушка уже другим тоном. – Вы увидите, я добьюсь успеха. Однажды мне заплатят кучу денег только за один час фотосъемки. И тогда я пройду по трупам тех парней, которые принимали меня за дурочку.

Она посмотрела ему прямо в глаза:

– Еще одно... Только чтобы вас предупредить. Так вот, предупреждаю: несмотря даже на все ваши красивые слова, если вы втянете меня в какое-то темное дело, то я выцарапаю вам глаза.

Ник, чтобы успокоить Алисию, легонько тронул ее за плечо.

– Поберегите ваши ногти. Мы добропорядочные люди. Постоянное присутствие Робина в моей жизни слишком утомительно для меня. Мне хочется немного передохнуть. С настойчивостью законной супруги он постоянно требует, чтобы я отчитывался перед ним за каждый свой шаг и жест.

Она согласилась:

– Это правда. Он любит командовать, хочет все знать. Он всегда спрашивает, что я делала в течение дня. Однако и у вас много недостатков. Я ненавижу, когда меня хлопают по плечу или берут за руку. Я уже об этом вам говорила.

– Большинство американцев любит во время разговора

дотронуться до собеседника, чтобы показать свое расположение или наладить с ним контакт.

– Расположение и контакт? Спасибо, всего этого мне хватает. У Робина есть множество собственных находок и гениальных изобретений. Он умеет доставить женщине удовольствие. Однажды он увидит мою фотографию на обложке глянцевого журнала. Он будет гордиться тем, что когда-то держал меня в своих объятиях... – Она перешла на доверительный тон: – Кастинг в модельном агентстве, какое испытание! Считать себя единственной и неповторимой и ждать своей очереди в зале, набитом битком девицами, каждая из которых имеет перед тобой какое-то преимущество: у одной лучше глаза, у другой ноги, третья выше ростом и увереннее держится, у четвертой лучше цвет волос.

Ник наклонился к ней.

– У вас приятное произношение. Вы выучили английский язык здесь, в Ренне, или же ездили в Англию?

– Вы угадали. Я работала в Лондоне няней в семьях с детьми. За один год я трижды сменила место работы. Все до одного мужья хотели переспать со мной. Каждый из них, пока жена нежилась в супружеской постели, отправлялся в детскую под благовидным предлогом поцеловать ребенка перед сном, а в действительности, чтобы трахнуть няню. Мерзкие типы!

Ник утешил ее:

– Это лучше, чем быть дурнушкой. Кто был вашим пре-

подавателем?

– Каким преподавателем?

– Английского языка.

– Где?

– В Ренне.

– Господин Мюллер. Однако я хотела другого преподавателя, Элен Корнель, но она вела только два выпускных класса. Так что не сложилось. Тогда я удвоила усилия. Короче...

– Элен Корнель, – повторил он.

– Ей не повезло в жизни. Ее младшая сестра попала под машину и погибла. Жених бросил ее. Есть такие люди, с которыми происходят все несчастья одновременно.

– Ее жених?

– Во всяком случае, парень, с которым она проводила выходные дни.

– Почему он ушел от нее?

– Из-за девятнадцатилетней девчонки. Этот Рауль весьма изобретательный тип, ему до сих пор удается прятать свою страсть. По словам тех, кто знаком с Раулем, ему нужна девушка без мозгов. Он возомнил себя самим Господом Богом. Он говорит только о дискетах, программном обеспечении – словом, о вычислительной технике. С Элен он имел возможность приобщиться к культуре.

– Почему же они были вместе?

– В таком городе, как Ренн, выбор весьма ограничен. Вы интересуетесь Элен Корнель?

– Ничего подобного. Вы сами заговорили о ней в связи с изучением английского языка.

Она улыбнулась.

– А вы – хитрец. Да еще какой! Вы заставили меня выложить вам все, что я знаю о ней. Теперь же вы заявляете, что я сама начала этот разговор. Все, с меня хватит. Я уйду.

Ник улыбнулся:

– Не забывайте, что деньги, которые я вам предлагаю, – это всего-навсего дружеская помощь. Залог ваших будущих побед.

Она поднялась:

– Вначале я подумала, что у вас определенные намерения. Робин говорит, что вы легко меняетесь партнершами.

Ник покачал головой.

– Он часто преувеличивает. Он любит шокировать, показать, что не такой, как все...

Алисия уже перекинула сумочку через плечо.

– Он и в самом деле не такой, как все.

Ник шел торговыми улицами, все дальше удаляясь от центра. Грязно-серое бетонное здание его гостиницы стояло неподалеку от вокзала. В ее стандартных номерах останавливались мелкие бизнесмены и коммивояжеры. Обстановка гостиницы была куплена на распродаже по случаю банкротства мебельной фабрики. Кровати скрипели, едва постиранные простыни были серыми из-за экономии моющих

средств. Телевизоры громоздились на комодах из прессованного древесно-стружечного материала. Для того чтобы переключить одну программу на другую, надо было встать и нажать кнопку панели управления. Случайные горничные без особого усердия убирались в ванной комнате, а стаканы для зубных щеток протирали брошенными на пол влажными полотенцами после того, как их использовали постояльцы. Последние словно бледные тени бродили посреди этой разрухи и кризиса.

При менее критической экономической ситуации хозяин гостиницы еще сто раз подумал бы, прежде чем сдавать номера постояльцам на целый месяц. В свое время у него уже возникали проблемы с клиентами, которые по прошествии какого-то времени не желали ни расплатиться, ни освободить номер. Несколько месяцев тому назад он сдал свободный номер двум вполне симпатичным на вид американцам. Один из них, Ник Фэрбенкс, оплатил свое проживание, в то время как второй, Робин Раскин, жил за счет своего товарища. Они купили по случаю машину, что обошлось им значительно дешевле, чем крыша над головой. Фэрбенкс говорил о яхтах, корабельных верфях, импорте. Хозяин гостиницы едва прислушивался к тому, что тот рассказывал. Все любят поговорить. И всегда найдется слушатель, готовый дать тот или иной совет.

В тот день после обеда на ресепшн – уже давно здесь не было дежурного администратора, кроме временной за-

мены, – патрон просматривал список постояльцев. Клиенты редко снимали в гостинице номера больше чем на одну ночь. Тяжелый воздух рассекала зигзагами жирная муха. Она едва не села на нос хозяину гостиницы, затем устроилась на открытой пятнами стойке, после чего лениво поднялась в воздух, чтобы, сделав круг почета, снова приземлиться на прежнее место. «Что тут ищет эта проклятая муха?» Он попытался прибить ее старой газетой, но мерзкое насекомое вовремя ускользнуло у него из-под руки и спряталось где-то в темном углу. «Что же ей тут надо?»

Ник, более приветливый из двух американцев, показался на пороге и поздоровался с хозяином гостиницы. Последний окликнул его:

– Минуточку, будьте любезны, если у вас есть время.

Ника раздражали эти уменьшительные слова: «минуточка», «килограммчик»... Он попробовал улыбнуться:

– Что вам угодно?

Патрон почесал затылок.

– Не знаю, как вам сказать, чтобы не обидеть вас. Ваш друг весьма бесцеремонный человек. Он считает, что живет в доме свиданий. Как только вы уходите, к нему тут же является девица, похоже азиатского происхождения. Я плохо разбираюсь в этих людях. У нее всегда есть какой-то благовидный предлог. Вот сегодня, например, она сослалась на то, что принесла вашему другу письмо, чтобы вручить ему в собственные руки. И вручала это письмо на протяжении

целых двух часов...

Ник ответил снисходительным тоном:

– Господин Раскин мне ближе, чем родной брат... Он рассказал мне об этой девушке. Речь идет о любовном увлечении. Раскина можно простить. В Америке думают, что любовь во Франции...

– Мой любезный господин, вы называете «это» любовью? А откуда, по-вашему, взялся СПИД? За то время, что вы здесь проживаете, у Раскина было уже по меньшей мере три таких, с позволения сказать, «любовных увлечения». Вот это – уже четвертое по счету. А что, если эта девушка несовершеннолетняя? Тогда у меня будут крупные неприятности.

Ник успокоил его:

– Не волнуйтесь. Ей уже исполнилось двадцать лет. Поверьте мне, я знаю своего друга и сумею призвать его к порядку.

Он попрощался с хозяином гостиницы и поспешил в свой номер вверх по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Добравшись до четвертого этажа, он пронесся по коридору, остановился у двери с номером 445 и громко постучал.

– Да! Входи!

Робин, в ленивой позе разлегшийся на постели, смотрел телепередачу.

– Открыто.

Ник выключил стоявший на комодe телевизор.

– Я никогда не знаю, что меня здесь ожидает. Ты мог быть

с женщиной.

– Ну и что? – спросил Робин. – Это в самом деле шокировало бы тебя? Лицемер!

– Не надо забывать о том, что вокруг нас люди, – сказал Ник.

– Я умираю от скуки, – пожаловался Робин. – Мне перекрыли кислород с той поры, когда старая ведьма заставила тебя выставить меня за дверь. Я не могу больше гнить в этой норе и прятаться от всех.

Он умышленно говорил таким резким тоном. Ему хотелось показать, что он возмущен до глубины души и выражает протест. Это был худощавый брюнет с карими лучистыми глазами. Ник заметил использованный презерватив, брошенный на пол возле тумбочки у кровати. Он отбросил его в сторону кончиком ботинка. Затем Ник подошел к окну и распахнул его. В комнату ворвался шум улицы с интенсивным движением.

– Робин, мы должны соблюдать одно правило: ни в коем случае не показываться вместе на людях. Как только официально признают мои права на наследство, ты сможешь выйти из тени. А сейчас нам надо соблюдать предельную осторожность. Если своим поведением ты и впредь будешь вызывать раздражение хозяина гостиницы, он вышвырнет нас на улицу. Он опасается за репутацию своего барака. Отправляйся куда-нибудь со своей девчонкой, с той, что числится последней в твоём списке...

Робин скорчил гримасу.

– Куда я могу поехать? На какие такие деньги?

– Если ты захочешь провести время где-то поблизости на побережье, я оплачу твои расходы.

– Красотка, которую я недавно подцепил, только о том и мечтает.

– Лишний довод в пользу того, чтобы увезти ее в какой-нибудь маленький отель и бродить в обнимку по берегу.

Робин облокотился на смятую подушку.

– Представляю, сколько ты наломаешь дров в мое отсутствие. Тебе надо постоянно напоминать, что время не ждет. Ты напрасно потратишь его из-за навязчивой идеи жениться на француженке. Когда я вспоминаю о том проклятом дне, когда ты увидел ее...

– Я запрещаю тебе говорить о прошлом.

– О прошлом? Скорее о настоящем. Нам нет нужды разыгрывать между собой комедию...

Ник мерил шагами комнату.

– Дай мне немного передохнуть. Мне надоело чувствовать себя учащимся колледжа. Пришла пора взрослеть.

Робин развернул жвачку, бросил ее в рот, а обертку небрежно кинул на пол. Ник возмутился:

– Мне до смерти надоела твоя неаккуратность!

– Неаккуратность? – повторил со смехом приятель. – Раньше тебе нравился беспорядок, который я везде учиняю. Старик, освежи свою память. Тебе известно, какие у меня

корни. Моим предкам прислуживали на протяжении многих веков. Став американцем, я не приобрел привычек мелкой буржуазии. Я вовсе не собираюсь здесь убирать за собой. Другое дело на яхте. Там сам бог велел наводить порядок. Не тебе мне указывать, как себя вести. Когда у нас будут деньги...

– Ты забываешь, что наследник – это я.

– С юридической точки зрения. Однако, по правде говоря, ты – мой должник и обязан все передать в мои руки. Или почти все. Тебе кое о чем напомнить? Еще раз?

Он встал с постели и сбросил трусы на пол. Обнаженный, он прошел в ванную комнату и закрыл за собой дверь, чтобы принять душ. Его постоянное занятие на протяжении часов.

Они познакомились в колледже под Бостоном. Робин был сыном мелкой служащей – вдовы бывшего польского землевладельца. В наследство он получил только рассказы о легендарном прошлом своей семьи. Нику же после смерти родителей, помимо горьких воспоминаний, достался приличный капитал. Робин был исключительно способным учеником. Его живой ум схватывал все на лету. Он блестяще усваивал как иностранные языки, так и точные науки. Будучи хрупкого здоровья, он был последним только на спортивной площадке. Однако упорства в достижении цели ему было не занимать. Он быстро сообразил, какие перспективы открывает ему дружба с Ником. Его постоянно мучила черная зависть к этому простодушному и доверчивому подростку. Он

сумел расположить к себе и войти в доверие, чтобы занять место несуществующего брата. Вначале Ник только выслушивал советы Робина. Вскоре он не мог уже существовать без своего нового друга. Братский союз превратился в настоящее рабство.

Робин, обвязав талию баннным полотенцем, вышел из ванной комнаты.

– Я не хочу тебе диктовать, как следует себя вести. Я только прошу, вернемся в Нью-Порт. Женись на Аните. Эта девушка без особых запросов. К тому же она обладает несомненным достоинством: у нее случается морская болезнь всякий раз, когда она видит корабль в море. Это – полная гарантия того, что она не вздумает подняться на борт «Иоко II». Если же каждый год ты будешь делаешь ей по малышу, то полностью реабилитируешься в глазах ее семьи. Нас оставят в покое, и мы сможем рассекать моря и океаны в свое удовольствие. А на берегу тебя будет поджидать верная жена в окружении ребятишек.

– Что, если я предпочитаю совсем других женщин?

– Мы сможем себе позволить любых женщин. Например, гейш с лицами, покрытыми толстым слоем белой пудры. Они будут потчевать нас сырой рыбой. Мы выберем самых красивых... На такую дорогую яхту, как «Иоко II», женщины клюют, как на «феррари».

Ник опустил на единственный в номере стул.

– Робин, в данный момент я не думаю ни о гейшах, ни о

японских островах. Однако для пользы дела ты должен временно исчезнуть из моей жизни.

Робин возмутился:

– Причуды старой ведьмы ничего не меняют в наших планах. Ты женишься, получишь наследство и сможешь отправиться на все четыре стороны! Победа будет за нами! У тебя же есть под рукой девица, подходящая тебе по всем статьям. Так и женись на ней. Чего же ты ждешь?

Ник решил, что пришло время рассказать Робину о том, что он познакомился с Элен.

– У меня есть новость. Я держал ее на десерт. Сюрприз. Мне удалось подцепить бретонку. Я пригласил ее выпить со мной чашку кофе, и она согласилась. Мы условились с ней о свидании.

Робин побледнел.

– Нет! Ты не сделаешь этого! Ты смеешься надо мной? Тебе удалось разговориться со снежной королевой, и ты уже задрал кверху нос? А где гарантия, что в тот или иной момент ты не проговоришься ей? Например, в минуту слабости в стиле «чистосердечного признания»? Она принесет нам несчастье.

– Несчастье или счастье, но это единственная женщина, которая меня интересует. А что, если я женюсь на Аните и окажусь несостоятельным в постели... потому что к ней я не испытываю никакого чувства. Каково мне тогда придется? С Анитой давно все кончено.

Робин был в отчаянии.

– Тебя не возбуждает Анита? Боже милостивый! Нет на свете более желанной женщины, чем она. Ты сошел с ума. На кону стоит двадцать пять миллионов долларов, а ты говоришь о каких-то чувствах и желаниях?

– Элен Корнель нравится Сан-Франциско. Она увлекается яхтами. Это – неожиданный козырь.

Робин окончательно вышел из равновесия:

– Козырь? Для кого? Забудь о своей мечте идиота отправиться в морской круиз! Ты что, хочешь взять ее с собой в Японию? Это путешествие только для нас двоих и ни для кого другого. Вот почему нам нужна Анита. Она любит море только тогда, когда температура двадцать шесть градусов тепла, чтобы побарахтаться у берега.

Он продолжил:

– Если эта француженка любит прогулки на яхтах, ты от нее никогда не избавишься! Она потеряет голову, когда увидит «Иоко II».

Он вздохнул:

– К счастью, у тебя нет времени, чтобы обхаживать ее. Сложим поскорее вещи и уедем.

– Ты меня совсем замучил, – сказал Ник. – Ты похож на мою тетушку. Ты думаешь за меня. Мне надоело постоянно чувствовать себя под колпаком.

– Не забывай о пожаре, – мягко заметил Робин.

Он тотчас пожалел о том, что сказал. Он взял свою одеж-

ду, лежавшую на кровати, и молча оделся. Ник стоял, повернувшись к нему спиной. Он смотрел в окно. Движение на улице оставалось напряженным.

Десять лет тому назад в Бостоне Ник едва не погиб от удущья во время пожара в тетушкином особняке. Тетю Джоан отвезли в госпиталь в кислородной маске. Дядя скончался на следующий день. Он наглотался дыма. Он был последним, кто вышел из полыхавшего дома. Расследование установило, что имел место поджог. Кто-то, хорошо знавший все уязвимые места дома, поджег его с разных сторон. Было высказано предположение о криминальном сведении счетов. Накануне дядюшка уволил садовника, не выплатив ему выходное пособие. Возможно, тот отомстил?

Однажды в приступе гнева Робин неосторожно выкрикнул: «Твой дядя оскорблял поляков. Он обзывал их пьяницами! Он получил по заслугам! Он запретил мне появляться в выходные дни в его доме. Его смерть – это справедливое возмездие».

Дядюшка и тетушка Ника не случайно отказались принимать в своем доме этого наглого и заносчивого молодого поляка. В свое первое посещение в присутствии дядюшки Робин дерзким тоном заявил, что все американские богачи – это выскочки, потомки иммигрантов без рода и племени и отъявленные мошенники. Естественно, что родственники Ника постановили, чтобы ноги Робина не было в их доме. Несколько месяцев спустя и произошел пожар.

Раздался телефонный звонок. Ник подошел к прикроватной тумбочке и снял трубку.

– Вас вызывают из Америки, – сказал патрон. – Перевести разговор на номер господина Раскина или же вы пойдете в ваш?

– Спасибо. Я поговорю отсюда.

Он прижал трубку плотнее к уху и поздоровался:

– Мэтр Стэнли? Благодарю вас за то, что вы поднялись в столь ранний час, чтобы позвонить мне. В Сан-Франциско, если я не ошибаюсь, еще нет и шести утра... Как выживаете?

– Я-то хорошо. А какживаете вы? Вот уже почти две недели, как от вас ни слуху ни духу. Я обеспокоен вашим молчанием. Ваша тетушка поручила мне присматривать за вами... в юридическом отношении. Она считала вас немного ветреным, без руля и ветрил.

Адвокат еще раз напомнил своему клиенту дату, когда истекает отведенный срок, а также о последствиях в случае его опоздания.

– Вам остается всего полтора месяца, чтобы явиться ко мне в сопровождении законной супруги. В крайнем случае вы можете заключить брак в Лас-Вегасе. Однако там вам потребуется десять дней для того, чтобы свидетельство о браке приобрело законную силу. Какживает ваша итальянская подруга? Больше всего меня тревожит то, что вы все еще на-

ходите в Францию.

– Анита ждет меня. Я же, как и любой мужчина на моем месте, пытаюсь выиграть время. Речь идет о моей жизни. Когда в 1988 году я учился в Парижском университете, я познакомился с одной молодой женщиной. В то время она не ответила мне взаимностью. Я не смог забыть эту женщину. Я случайно встретил ее здесь, в Ренне. Я забыл, что она родом из этого города. Мне кажется, что теперь у меня есть шансы на успех.

– Вы должны были сказать об этом при вскрытии завещания, чтобы мой коллега, мэтр Лестер, свыкся с мыслью, что его секта может потерять свой миллион долларов.

– Человек предполагает, Бог располагает... Все решает случай.

– Случай? Когда речь идет о таких деньгах?

– Мэтр, прошу вас, проявите немного терпения. Я все же оптимист.

– Мой коллега ждет не дожидается, когда пробьет его час, – заметил адвокат. – Если вы не уложите в отведенный вам срок и упустите дом в Пасифик-Хейтсе, то «Счастливые на Земле» отпразднуют победу. Они устроят в этом здании свой филиал в Сан-Франциско. Если же ваш предполагаемый брак с молодой француженкой – не предусмотренной в проекте – окажется по той или иной моральной или юридической причине непрочным, секта предъявит вам судебный иск. Не забывайте, что в случае брака с иностранкой наша

иммиграционная служба проведет свое расследование.

– Когда нечего скрывать, нечего бояться, – сказал Ник. И добавил: – Я отдаю себе отчет в том, что на кону стоит большой куш. Однако я предпочитаю его потерять, чем идти на сомнительный компромисс. Надеюсь, что судьба будет благосклонна ко мне.

Робин, опустившись на колени и прижав к сердцу правую руку, жестами показывал, что взывает к высшим силам.

– Ник, хорошо быть идеалистом, – ответил адвокат, – но любовь на одной чаше весов редко перевешивает двадцать пять миллионов долларов на другой. Я вас предупреждаю: в случае заключения брака за границей с иностранкой каждый документ, касающийся составления этого акта гражданского состояния, должен быть переведен на английский язык и заверен подписью и печатью нотариуса. Для получения вида на жительство на нее вы должны составить и передать нам через наше посольство в Париже, и с обязательной резолюцией последнего, соответствующее заявление. Она получит американское гражданство только по истечении пяти лет совместной жизни с вами в Америке.

– А наследство? – спросил Ник.

– Это совсем другое дело. Как это ни удивительно, но вам достаточно представить оформленное по всем правилам брачное свидетельство, и наследство переходит к вам во владение. Ваша задача осложняется еще и тем, что ваша тетушка ввела в завещание особую статью о лишении вас миллио-

на долларов. Ваши неожиданно ожившие чувства к кому-то, кто может своим появлением оказать вам помощь в получении этой суммы, нуждаются в проверке. И еще один вопрос: прервали ли вы отношения с господином Раскиным? Ваша тетушка особенно на этом настаивала. Вам не следует где бы то ни было появляться в его обществе. В память о той острой неприязни, которую она к нему испытывала. Когда двое мужчин так тесно дружат...

– Господин Стэнли, – прервал его Ник, – Робин Раскин имеет традиционную сексуальную ориентацию. Я тоже. Мы по-братски относимся друг к другу еще со школьной скамьи. И мы оба – большие любители женщин.

– Я говорю только о том, что может показаться со стороны. Ник, именно со стороны... Мы живем в обществе, основанном на соблюдении определенных традиций. У нас весьма опытный и опасный противник.

– Я знаю. Мне довелось не раз выслушать наставления моей тетушки. Прошу вас, проявите еще немного терпения. Я очень скоро позвоню вам. Благодарю вас за все, что вы делаете для меня.

– Ник, это все благодаря предусмотрительности и заботам вашей тети. Она заранее оплатила мои услуги, чтобы я защищал ваши интересы. Однако должен уточнить, оплата за телефонные звонки в эту сумму не входит. За эти расходы я представлю вам отдельный счет. Короче, действуйте! Желаю удачи!

Ник положил трубку.

– Ты обещаешь все что угодно! – воскликнул Робин. – Ты говоришь одни глупости... У тебя остается только время на то, чтобы довести до кондиции Аниту и назначить дату церковного бракосочетания в Палермо.

Ник начал терять терпение.

– Ты больше заботишься о моем, чем о собственном будущем. У тебя больше дипломов, чем у меня. Ты владеешь еще одним иностранным языком...

– Двумя, – поправил Робин, – польским и немецким.

– Америка заинтересована в восточноевропейских рынках. Ты мог бы работать советником в любой крупной фирме. Возможно, что тебе понравится работать.

Робин с возмущением прервал его:

– Ты смеешься надо мной? Работать? Но я не хочу работать. Я хочу жить на борту яхты и рассекать волны в теплых водах Карибского моря... Хочу трахать девчонок. Проклятое капиталистическое общество так устроено, что сколотить крупное состояние может только тот, кто торгует наркотиками, живым товаром или же получает наследство. Надо красть, обманывать, убивать, на худой конец, сорвать джекпот в Лас-Вегасе. Денежный мир исключает всякую возможность материального обогащения путем ежедневного труда на рабочем месте. Вот почему я с самого начала стал помогать тебе. Ты витал в облаках, а мною двигала жажда взять реванш!

Он был бледен. От его дружелюбия не осталось и следа. Он жестикулировал:

– Сколько унижений я перенес, когда был вынужден прятаться на яхте! Когда твоя тетка появлялась на борту с инспекцией, она как ищейка брала мой след. Однажды мне пришлось спастись от нее в каюте. Она остановилась у двери и дернула за ручку. Она поняла, что я скрывался за этой дверью... Ей хотелось открыть ее, но не тут-то было! Я заперся изнутри. С того дня я жду, когда пробьет мой час. Я хочу отправиться в большое плавание и не спрашивать ни у кого разрешения.

Затем он сменил гнев на милость:

– Ник, я нужен тебе. В качестве акселератора.

– Ты заставляешь меня плясать под твою дудку.

– В твоих же интересах. Однако первопричина всему – это мое право на реванш. Когда мне приходилось тайком подниматься на яхту, я был готов сгореть со стыда. Я вновь чувствовал себя мальчишкой, которого везли из Польши в Германию на дне цистерны с двойным дном. Твоя тетка была извращенкой. Она чувствовала, что ее запреты задевают мое самолюбие, и именно поэтому она купила «Иоко II», а затем включила ее в завещание.

Ник не стал вступать с ним в спор и отправился в свой номер.

Ему надо было разжать тиски. Действовать, Он набрал номер телефона Элен. Он услышал несколько длинных гудков,

затем кто-то снял трубку.

– Я хотел бы поговорить с Элен. Это Ник Фэрбенкс.

– Привет, – сказала Элен. – Я только что вошла в дом.

– Какое счастье, что я застал вас дома! Мне хочется попросить у вас прощения. Я был сегодня слишком навязчивым. Вы меня прощаете?

– Мне не за что вас прощать...

Ник перебил ее:

– Мне уже не хватает вас...

Элен немного воспрянула духом. А что, если этот американец вовсе не мираж? «Вырваться отсюда, – подумала она. – Увидеть его. Немного поболтать о том о сем».

Ник услышал в трубке какой-то посторонний шум, словно кто-то хлопнул дверью. Женский голос окликнул собаку.

– Элен, – продолжил он, почти веря в собственную искренность, – я воспитан на семейных традициях. По природе своей я слишком застенчив. Мне приходится прилагать немало усилий, чтобы заставить себя говорить с вами... довериться вам...

Слово «застенчив» произвело, как обычно, нужный эффект.

– Вы застенчивый?

– На первый взгляд не скажешь, не правда ли?

– Правда.

– И все же это так. Однако я стараюсь скрывать это. Вот и сейчас я расхрабрился настолько, что хотел бы с вами снова

увидеться...

Она размышляла вслух:

– Мне тоже этого хочется, но у меня нет ни малейшего желания ввязываться в историю, которая может для меня плохо закончиться... Я люблю поездки. Мне знакома охота к перемене мест. Америка всегда влекла меня к себе. Это опасно.

– Опасно? В каком плане?

– В области чувств.

Он чуть было не ответил: «Кто говорит о чувствах?»

– Я бы хотел стать вашим другом.

Она вдруг испугалась, что может попасться на удочку.

– Ник, мне было приятно с вами познакомиться. Однако прошу вас не настаивать. Желаю вам успеха в ваших начинаниях. Я... До свидания!

Она повесила трубку.

Ник держал трубку в руке. Он получил полный отвод. Он попросил хозяина гостиницы набрать номер телефона в Соединенных Штатах. Номер Аниты.

Итальянка была в восторге. Через каждое английское слово она повторяла на сицилийском диалекте: «Мое сокровище», «Моя любовь». Она была на седьмом небе от счастья.

– Любовь моя, ты для меня все. Мне так грустно, когда тебя нет рядом со мной. Но я знаю, что ты задерживаешься во Франции по работе.

Ник начал пространно объяснять ей технические тонкости, связанные со строительством яхт на верфях Бретани.

– Нет, любовь моя, только не это... Я бы хотела услышать от тебя что-либо о нашей совместной жизни. Меня интересует семья, дети. Но только не судостроение.

– Дорогая, немного терпения, – сказал Ник. – Потерпи еще немного, и я приеду.

– И ты женишься на мне, mio saго?

– Ну конечно же, – сказал он. – Как я обещал тебе в присутствии моей тети. Ее желание стало целью моего существования. Однако я не могу ударить лицом в грязь перед твоим отцом. Поэтому я хочу предстать перед ним, имея в руках солидное дело.

– Любовь моя, я тоже не теряю времени даром. Я заставила мою семью пойти на неслыханные уступки. Впрочем, это именно то, что ты мне посоветовал сделать.

– То есть?

– Я получила разрешение на заключение гражданского брака. А обвенчаться в церкви мы сможем позднее в Палермо. По такому случаю мы устроим там грандиозный праздник. У моего отца на Сицилии проживает тьма родственников. Двоюродные сестры и братья... Договорились...

Ник закрыл глаза. Жениться на Аните было для него равносильно пожизненному заключению. После свадьбы при малейшей оплошности его будут жестоко наказывать. Перед его мысленным взором каруселью крутились одни и те же картины: церковь, священник, белое подвенечное платье, свидетели... И он сам, одетый с головы до ног в черное,

в черном лимузине, окруженном черной толпой. Палермо. Необходимость соблюдать традиции чужого народа.

– Сердце мое, ты вздыхаешь? Ты ударился и тебе больно?

– Я мечтаю о том, чтобы поскорее заключить тебя в объятия.

Он бормотал в трубку какие-то нежные слова. До его слуха доносился приглушенный расстоянием звук поцелуев. Ему становилось легче на душе. У него есть под рукой итальянская невеста, готовая хоть завтра пойти под венец. У нее роскошная грудь. Анита создана для того, чтобы нарождать ему кучу детей. Он будет оплодотворять ее с радостью висельника и умрет во время оргазма. Анита стояла трех женщин. Почему он решил гоняться за этой несговорчивой француженкой? Покорить ее, чтобы избавиться от навязчивой идеи? Ему припомнился урок родео на ранчо под Лас-Вегасом. Приглашенный друзьями его тетушки, он смотрел на это действо и подмечал промахи конкурентов. «Основная проблема заключается в том, – сказала тогда его тетушка, – чтобы удержаться в седле. Не дать выбить себя из седла. В этом суть всего существования. Продержаться как можно дольше. Не жалеть усилий».

Затем его охватила паника. Он вновь представил себя ни на что не способным в постели Аниты. И что произойдет, если его плоть откажется восстать? Он с ужасом подумал, что придется объяснять девушке, что «это» не всегда работает как часы... Его мужская несостоятельность будет предметом

обсуждения на семейном совете. «Раньше это работало безотказно!» – будет причитать Анита. Да, до того, как он начал мечтать о едва знакомой и, по всей видимости, совершенно равнодушной к нему женщине. Только к ней он испытывал сексуальное влечение. К ней одной.

Мэтр Лестер позвонил мэтру Стэнли в его контору. Адвокаты хорошо ладили друг с другом. Они часто делились делами.

– Стэнли, я думаю, что вы не очень будете удивлены, если я сообщу вам, что обратился к услугам частного детектива в Нью-Йорке, чтобы тот основательно покопался в прошлом и настоящем итальянской невесты Фэрбенкса.

– Напрасная затея, – сказал Стэнли. – Я вам представил все необходимые сведения.

– Вы знакомы с семьей счастливой избранницы? – спросил Лестер.

Мысленно Стэнли уже рисовалась самая удручающая картина: Анита в отсутствие Ника встречается с каким-то итальянцем.

– Безусловно. Весьма достойные люди. Неотесанные неучи, которые больше поклоняются золотому тельцу, чем зачитываются произведениями Пиранделло...

– Вы уверены, что никто из членов этой семьи никогда не был замешан в какой-либо темной истории с коррупцией или дачей взятки?

– Вы шутите? Как можно быть уверенным в таких делах...

Я только могу сказать, что на моей памяти эта семья ни разу не была замешана в скандале. Глава семьи занимается импортом одежды из Гонконга. Он – крупный оптовик по поставкам.

Лестер расхохотался. Его невозмутимость порой давала сбой из-за какой-либо мелкой детали.

– Из Гонконга! Интересно, какая подкладка у этих пиджаков и юбок?

– Не надо слишком плохо думать о людях, – сказал мэтр Стэнли. – Это семейство достойно того, чтобы о нем снимать кино. Анита могла бы стать одним из центральных персонажей в «Крестном отце».

– Мафия?

– Нет, но она – дитя Италии, завораживающей и удивительной страны. Она привыкла создавать вокруг себя драматическую атмосферу. Это настоящая женщина в полном смысле этого слова. Представьте себе, что в эпоху расцвета всех видов связи, телефонов и факсов она пишет Фэрбенксу письма. Весьма длинные письма. Эта девушка – истинный романтик. Я видел ее в Нью-Йорке всего только несколько минут. Красавица! В особенности восхищают ее глаза. Увы! Похоже, что Фэрбенкс встретил какую-то француженку, с которой завел знакомство лет пять или шесть тому назад в свою первую поездку во Францию.

– Какое совпадение!

В голосе Лестера уже звенела сталь.

– Правда француженка? Фэрбенксу и впрямь везет!

– Итак, – продолжил Стэнли, – не исключена возможность, что он женится на своей бывшей университетской знакомой.

Лестер произнес вкрадчивым голосом:

– Стэнли, вы не находите, что время летит с головокружительной быстротой?

В Ренне было уже десять часов вечера. Элен вошла в свою комнату. Смотревшее в темный сад окно было распахнуто настежь. Деревья и кусты сливались в сплошную темную массу. Эта сторона дома граничила с тупиком. Элен вдохнула воздух, наполненный запахом политой недавно зелени растений. Американец находился где-то поблизости. Она кожей ощущала его присутствие. Она медленно расстегнула пуговицы на блузке. Все последние годы, чтобы больше понравиться Раулю, она избегала показываться перед ним в своем лучшем виде. Малейшая ее попытка выглядеть соблазнительно была бы воспринята Раулем в качестве доказательства ее порочных мыслей. Почему Рауль? Она только хотела устроить свою жизнь. Ею владели тоска и тревога. Подраставшее поколение молодых девиц уже дышало ей в затылок, а она знала мужскую натуру. Один раз она решила проявить инициативу в постели. Рауль раскритиковал каждый жест и движение Элен словно спортивный комментатор, описывавший только что отыгранный матч. Затем он задал

ей идиотский вопрос: «Где ты всему этому научилась?»

Ради него она отказалась от поездки на стажировку в Америку. Взамен она получила засыпавшего в постели храпуна и невежу. Затем он завел себе другую девицу и бросил ее. Этот мерзавец сбросил лишний вес, начал хорошо одеваться и купил себе красную спортивную машину... И слухи об этом дошли до Элен. Как бы отомстить этому негодяю!

В тот вечер ее мысли были заняты Ником Фэрбенксом. Расстегнув лифчик, она сняла его. Ее соски были твердыми от ночной прохлады. Освободившись от верхней части своей одежды, она почувствовала себя начинающим эксгибиционистом. С ловкостью профессиональной стриптизерши она стянула с себя джинсы и трусики. Затем она подошла к окну, выставив себя напоказ и этой душной ночи, и мужчине, притаившемуся в темноте тупика. Она мстила за три года любви. Она отворачивала в сторону голову всякий раз, когда Рауль хотел целовать ее в губы. Ей грезились утонченные длинные ласки, прекращавшиеся именно в тот момент, когда она была готова испытать оргазм. Ей хотелось выбросить из памяти бывшего любовника. Она мечтала об исполнении всех самых сокровенных желаний и сексуальных фантазий. Она встала перед окном, освещенная оранжевым светом ночника. В тот вечер ей хотелось разжечь страсть американца.

С улицы ее рассматривал Ник, которого то и дело обнюхивали псы, спущенные с поводков, чтобы справить свои собачьи дела и тотчас вернуться к своим хозяевам. «Она зна-

ет, что я здесь. Она знает...» Его эрекция была такой неожиданной, что он едва не потерял сознание. Он хотел эту женщину... Держать в своих объятиях столь совершенное тело. Тонкая кость, длинные ноги... Вдруг свет в окне погас – и наступила темнота.

Как войти в этот закрытый для него мир? Как покорить Элен? Вызов, который она бросила ему перед окном, был добрым знаком. Однако по силам ли ему, чужому в этом городе, идти на штурм этой французской крепости? А ее семья? Ник быстрым шагом направился прочь от ее дома по узким улочкам, откуда несло мочой и плесенью прошедших веков. Он вышел на театральную площадь. Влившись в поток прохожих, Ник искал выход из тупика.

3

На следующий день около десяти часов утра, в джинсах и на этот раз в тщательно отглаженной голубой блузке, с вымытыми волосами, Элен вышла из дома. На другом конце улицы Ник, заметив ее издалека, пошел, соблюдая дистанцию, следом за ней. Оглянувшись назад, она направилась в сторону университета. Когда Ник подошел к входной двери, она уже пересекла двор бывшего монастыря и скрылась из виду. Пройдя по длинному коридору перед читальным залом библиотеки, Ник увидел ее и принялся незаметно наблюдать за ней сквозь стекло витража. Она листала толстую книгу и делала пометки в блокноте. Ожидание затянулось. Ник ходил снаружи взад и вперед. Когда она наконец появилась, Ник подошел к ней:

– Здравствуйте, Элен. Вы работаете во время школьных каникул...

Увидев его, она была приятно удивлена.

– Я продолжаю работать над проектом докторской диссертации по английской литературе. Каждый год я выделяю какое-то время для этой работы. Возможно, что когда-нибудь я завершу ее. А что вы здесь делаете?

– Я ждал вас, потому что хочу предложить вам кое-что получше, – сказал он.

– Получше чего? Диссертации?

– Жить, положившись на волю случая.

Она пожала плечами.

– Подобные банальности высказывают богатые люди, чтобы пустыми словами и фразами оправдать возможную лень или пресыщенность жизнью. По всей вероятности, у вас есть достаточное состояние, чтобы спокойно ожидать, какой сюрприз подбросит вам судьба.

А что будет, если он скажет, что оценил по достоинству вчерашний спектакль, и назовет ее коварной соблазнительницей, догадывавшейся о том, что он прятался в тени дома. Лицемеркой? Вчера она разжигала огонь, а сегодня погасила его. Он размышлял. Обстановка не располагала ни к намекам, ни к шуткам. Он решил, что лучше промолчать. И как галантный кавалер, манерным тоном он произнес:

– Прекрасная дама, у меня есть одна идея, и она, возможно, понравится вам.

– Откуда вы взяли это обращение – «прекрасная дама»?

– Из словаря моей тетушки. Она читала мне отрывки из французских классических пьес.

– Жаль, что я не была знакома с ней. Она часто посещала Францию?

– Нет. Она была не из тех, кто живет воспоминаниями.

Он подошел к ней поближе.

– Элен, я бы хотел сказать вам нечто такое, что вы, несомненно, сочтете за дерзость... И хотя я дрожу от страха, но все же хочу обратиться к вам с просьбой.

Она повернулась к нему лицом.

– Это не должно быть слишком дерзким. Я слушаю вас.

– Познакомьте меня с вашими родителями...

– С моими родителями?

– Да. Мне хочется хотя бы ненадолго погрузиться в домашнюю атмосферу... Мне так не хватает ее... Побывать какое-то время в настоящем семейном доме, а не в гостинице. Возможно, что они окажутся более сговорчивыми и не такими подозрительными людьми, как вы.

Элен вспыхнула:

– Я вовсе не подозрительная.

– Не знаю... У меня сложилось впечатление, что вы чего-то опасаетесь и враждебно ко мне настроены... Вы защищаетесь и потому носите маску.

Она молча раздумывала, что бы ему ответить. Они шли по освещенной солнцем улице. Рядом располагался тенистый сквер с уютными скамейками...

– Это совсем неплохая идея, относительно приглашения домой. Мы никого не принимали с тех пор, когда в результате несчастного случая погибла моя сестра. Мои родители тяжело переживают это несчастье, так же как и я. Они стараются не показывать на людях свое горе и ушли в себя. Такой как вы, прибывший с другой планеты человек, говорящий на другом языке... Вас выдает легкий акцент... помог бы немного отвлечься от тяжелых воспоминаний...

– Легкий акцент не является моим единственным досто-

инством.

Она подвинулась поближе к нему.

– Не обращайтесь внимания, я пошутила... Не исключено, что ваш визит окажет на них благотворное воздействие. Мой отец – судья. После случившегося несчастья он сильно изменился. Порой его действия нельзя предугадать. Примет ли он вас с радушием или с полным безразличием? Я не гарантирую ничего.

– Я готов преодолеть любые препятствия. Я рад, если смогу быть хотя бы чем-то полезен вам. В душе я бойскаут.

И он добавил, глядя ей прямо в глаза:

– Если вы позволите, только одно замечание: вы – прекрасная дама!

– Спасибо, – сказала она. – Вы преувеличиваете... Порой, однако, это приятно слышать.

Она добавила:

– Я поговорю с родителями. Моя мать раньше была приветливой и гостеприимной хозяйкой дома. Теперь я не знаю, что она мне скажет в ответ. Позвоните мне ближе к вечеру.

– А помимо этого, – спросил Ник, – будет яхта или нет?

– Как получится. А пока мы могли бы поплавать вместе в море.

– Поплавать? Вода... холодная...

Она перебила его:

– Холодная или нет, но она полезна для здоровья и снимает нервное напряжение. Я регулярно плаваю. В море до-

статочно пробыть несколько минут, чтобы все мысли сосредоточились только на одном: плыть вперед.

– Посмотрим, – сказал он.

Заплывы в холодной воде нисколько не прельщали его. Как только он уладит все свои дела, то отправится вместе с Робинотом из Нью-Порта через Нью-Йорк к теплым водам Карибского бассейна.

– До скорой встречи! – сказала Элен.

Судья с заметным раздражением отреагировал на вопрос жены о том, может ли она пригласить на ужин одного американского туриста, который находится проездом в Ренне.

– Я не являюсь вождем дикого племени. В этом доме в подобных делах я не имею права голоса. Впрочем, я и не хочу его иметь... Зачем меня спрашивать? Делайте что хотите.

– Я только хотела, чтобы присутствие гостя не стало неожиданностью для тебя. Надо было тебя предупредить.

– Габриэлла, все это мне безразлично. Впрочем, откуда на нашу голову свалился этот американец?

– Элен все тебе расскажет, – осторожно заметила его жена.

Вечером Ник позвонил Элен и узнал, что приглашен на ужин.

– Завтра. Приходите к семи тридцати.

Он вздохнул с облегчением. Наконец ему удастся приблизиться к этой семье, живущей за глухим забором условностей и традиций.

– Я хотел бы преподнести вашей матери цветы. Какие она любит?

– Розы... кроме белых. Цветы лучше прислать за два часа до вашего прихода... чтобы у нее было время поставить их в воду.

– Конечно.

«Ну и люди!» – подумал он, вешая трубку. Ему хотелось добавить в их адрес несколько не самых вежливых слов, но он сдержался.

«Если бы я приехал в гости к представителям племени банту, мне пришлось бы, чтобы понравиться им, вставить себе в нос кольцо... Здесь же мне советуют заблаговременно доставить цветы. Куда катится наш мир! Он прогибается под тяжестью умирающих от голода африканцев, на востоке ему грозит опасность взрывов на ветхих атомных электростанциях. И только на этом французском клочке старушки Европы люди еще думают о пустяках... О своевременной доставке цветов...»

Робин следил глазами за Ником.

– Ты уходишь? Ты надел костюм. Бог мой! Он еще и галстук повязал! Ты же терпеть этого не можешь.

– Ну и что? Это мои проблемы.

– Это наши проблемы, – поправил его Робин. – Старик, не надо лгать мне. Тебя настолько зацепила эта девица, что ты даже не слышишь, что я говорю тебе. Она погубит тебя,

да и меня вместе с тобой. Отправиться на ужин к какому-то судье? Ни в какие ворота не лезет. Представляешь, какими глазами он посмотрит на иностранца в своем доме? Ты не умеешь ничего скрывать! У тебя всегда смущенный вид. Ты не можешь толком рассказать какую-либо историю... У тебя нет сил, чтобы бороться с людьми, настолько отличающимися от нас. Они подозрительны и мелочны, а в вопросе бракосочетания отстали от нас на века. В твоём распоряжении всего один месяц, а ты задумал взять эту крепость. Это все равно что забросить мяч в баскетбольную корзину, установленную на вершине Килиманджаро...

Начиная с двенадцатилетнего возраста Ник жил бок о бок с людьми, которые пытались руководить его жизнью. Тетушка Джоан настолько любила своего племянника, что не давала ему самостоятельно и шагу шагнуть. Когда в его жизни появился Робин, то тот своей дружбой был похож на спрута. Приятель делился с ним своими грандиозными планами, внушал ему самые фантастические идеи и стремления. Словом делал все, чтобы отвлечь его от реальной жизни. Он мог часами рассказывать о всевозможных приключениях. Робин даже записался в располагавшуюся под Бостоном школу вождения парусных яхт. Ему не хотелось остаться на рейде, когда Ник отправится без него в морской круиз. Из него вышел отличный штурман.

Робин продолжил:

– Ты зря ломаешь копыя. Словно речь больше не идет о

том, чтобы сорвать большой куш. Ты запал на эту девицу. Что ты нашел в ней?

– Сделай одолжение, оставь меня в покое...

– Не забудь, – сказал Робин, – мы с тобой делим все пополам. Если твоя хибара будет продана и ты получишь свое наследство, а потом захочешь разорвать наши отношения, ты за это дорого заплатишь.

– Кто говорит о разрыве отношений? Мы решим все наши проблемы полюбовно, – заявил Ник. – Мы найдем компромисс.

– Компромисс – это прибежище слабаков, – сказал Робин. Ты и есть настоящий слабак. Ты обходишь острые углы и соглашаешься со всеми. Ты никогда не будешь победителем.

– А что, если я откажусь от наследства? А? – предложил Ник. – Тогда ты не сможешь ничем меня достать. Ничем.

– У тебя осталось от родителей еще достаточно денег, чтобы я смог купить «Июко II». А ты тогда будешь нищенствовать и спать на улице... Ну что, братец, ты этого хочешь?

На следующий день ровно в половине восьмого вечера Ник звонил в дверь дома судьи Корнеля. Он услышал чьи-то легкие шаги и стук каблучков по паркету... Элен открыла входную дверь.

– Добро пожаловать, – произнесла она и протянула ему руку. – Ваши розы восхитительны. Таких красивых я никогда еще не видела. Такой огромный букет! Какое безумие!

Было заметно, что она побывала в руках опытного парик-

махера. Ей была к лицу короткая стрижка с золотистыми прядями. На фоне темного вестибюля четко вырисовывался ее тонкий профиль. Ник узнал атмосферу старинных домов. К приятному запаху свежей выпечки присоединился и какой-то другой запах, менее аппетитный, распространившийся по всему дому до самой входной двери. Неужели незадолго до его прихода отполировали стоявший слева стеной шкаф в стиле Людовика XVI? Кто-то повернул выключатель, и центральная люстра, изготовленная из дерева и украшенная стеклянными шариками и завитушками из кованого железа, залила желтым светом потолок.

– Проходите, – сказала Элен.

Они пересекли переднюю, и Элен распахнула перед ним двойные застекленные двери, чтобы пропустить его в гостиную. Ник окинул взглядом трехместный диван, такие же кресла, современный низкий столик и несколько картин на стенах. За второй дверью, похоже, располагалась столовая. Навстречу им вышла мать Элен, хрупкая темноглазая женщина с вьющимися волосами. Он вспомнил о том, как тетушка учила его целовать руки дамам во Франции: «Ты делаешь легкий поклон, берешь даму за руку и подносишь к своему носу, остальное – дело техники».

– Благодарю вас за приглашение, – произнес он с легким поклоном.

Габриэлла тут же отняла свою руку.

Она с интересом смотрела на него. Гость говорил по-

французски с приятным акцентом.

– Мы рады, что вы навестили нас. Спасибо за розы. Они прелестны...

Он решил действовать наугад.

– Зовите меня просто Ник.

– У вас хорошее имя. Однако не следует торопить события. Прошу вас, садитесь. Что вам предложить? Виски, кока-колу или швепс?

– Что хотите.

Габриэлла настаивала:

– У вас, по всей видимости, имеются свои предпочтения?

– Любой напиток с газом.

– Вы не гурман.

Отыскав небольшую бутылку среди других, стоявших на сервировочном столике из стекла и стали, она протянула ее гостю.

– Вот.

Она села напротив него.

Он не успел сделать один глоток, как вошел судья. Ник поднялся, чтобы поздороваться с ним.

Судья подошел поближе:

– Добрый вечер. Садитесь. Я знаю, как вас зовут. Мы рады вас видеть у нас.

– Папа, – сказала Элен, – Ник – бизнесмен.

– Ты мне уже говорила об этом, – заметил Жюльен Корнель. – Я понял.

Он повернулся в сторону Габриэллы:

– Мы можем пройти к столу когда хотите. После ужина у меня много работы. Если у тебя еще не все готово...

– Папа, – вмешалась Элен, – господин Фэрбенкс еще не успел отпить глоток.

– Ничего страшного. Я возьму мой бокал с собой, – сказал Ник. – Не стоит задерживать вашего отца.

Габриэлла рассыпалась в извинениях:

– Даже во время летних каникул в суде мой муж не перестает работать. У него целая гора досье.

– У каждой профессии есть свои недостатки. И у вашей, видимо, тоже, – сказал Корнель.

Судье хотелось томатного сока, но он воздержался. Гость вызывал у него раздражение. Он вовсе не был настроен поддерживать светскую беседу.

Ник чувствовал, что надо было во что бы то ни стало расположить к себе судью. В противном случае он никогда больше не переступит порог этого дома.

– У меня есть планы расширения торгового сотрудничества. Получив классическое образование и окончив университет, я заинтересовался экономическими науками. Я создал коммерческое предприятие, чтобы выживать в период промышленного спада. Я тружусь и день и ночь.

Следуя за хозяевами дома в столовую, он продолжил свой рассказ о жизни сторающего на работе бизнесмена. Судья, обернувшись к нему, не без иронии заметил:

– Спать все-таки надо. Иначе работа не будет эффективной. Поверьте мне, у меня большой опыт.

Пожилая домработница приветствовала всех с порога кухни. Запах только что испеченного слоеного теста становился все интенсивнее. Корнель подождал, пока за стол не сядет его жена, затем уселся напротив нее на другом конце овального стола. Моложавый на вид судья был среднего роста. Он носил очки в золотой оправе. Дужки этих очков поблескивали на фоне посеребренных висков. У него был одновременно подозрительный и рассеянный вид. Взгляд его серо-голубых глаз, казалось, пронизывал окружающих насквозь. Время от времени создавалось впечатление, что он забывал обо всех. Неожиданно он спросил напрямик: – Господин Фэрбенкс, что вы делаете в Ренне?

«Правда, только правда», – подумал Ник.

– Строю свой бизнес. Во всяком случае, я надеюсь на это. Наливая в свою тарелку суп из фарфоровой супницы, поднесенной домработницей, он принялся рассказывать о своих планах относительно закупки яхт. Не заполнив и до половины тарелку, он аккуратно опустил на место суповую ложку. Судья внимательно следил за его движениями. Он напомнил Нику его дядюшку, который часто делал ему за столом замечания: «Если вы не знаете, куда деть вашу левую руку, положите ее на стол. Не держите ее на весу, словно ждете, чтобы вам подали милостыню». «Однажды он умрет, – думал тогда Ник, – и его руки превратятся в прах...» Голос

Элен прервал его воспоминания:

– Ник...

Габриэлла также решила вставить слово. Обе женщины хотели разрядить атмосферу этого допроса с пристрастием.

– Господин Фэрбенкс, мне кажется, что вы хотели что-то сказать...

– Это не имеет значения. Я взволнован семейной обстановкой, напомнившей мне время, проведенное в доме моей тети и дяди.

Он хотел польстить им. Его пригласили к себе люди, хранившие историческую память о замках, поместьях, родовитости и дворянстве, чьи традиции и привычки передавались от поколения к поколению.

– А ваши родители? – спросила Габриэлла.

– Мама...

– Элен, я могу об этом говорить, – сказал он. В его глухом от волнения голосе сквозила глубокая печаль. – Мадам, я потерял моих родителей. Они ушли из жизни. Виной всему была скользкая дорога.

Габриэлла сделала протестующий жест:

– Не говорите больше ничего! По известным причинам я не могу даже слышать разговоров об автокатастрофах.

– Прошу меня простить, – сказал он. – В самом деле, я должен был понять...

Он с ловкостью перевел разговор на другую тему:

– Зовите меня просто Ник... У нас в США все обращают-

ся друг к другу по имени...

Наблюдавшая за ними с порога кухни домработница вошла в столовую, чтобы переменить тарелки. В качестве второго блюда она собиралась положить каждому в тарелку порцию жареной бараньей ноги с зеленой стручковой фасолью.

– Матильда, поставьте блюдо на стол. Мы передадим его сами друг другу, – сказал судья.

Тишину нарушил резкий собачий лай.

– Крыса, – сказал судья.

Ник уже протягивал блюдо Габриэлле:

– Какая крыса?

Габриэлла заставила себя улыбнуться.

– У меня с некоторых пор есть мексиканская собачка чихуа-хуа, а мой муж прозвал ее Крысой. Эта кличка не совсем подходящая, но зато довольно забавная. Скажем так, в ней есть немного черного юмора.

– Когда вы увидите эту собачку, – добавил судья, – вы поймете, что я еще проявил великодушие. Крыса – умное животное с бойцовским характером, в то время как эта псина – абсолютно неуправляемое существо. Она не способна сдерживать свои порывы и эмоции.

– Папа, ты много требуешь от собаки, – сказала Элен, взяв себе тонкий ломтик мяса и немного овощей.

«Классические представители французской буржуазии, – подумал Ник. – По всей видимости, домработница весь остаток дня после обеда чистила их фамильное серебро».

– Еще кусочек? – спросила Габриэлла. – Я положу вам его, если хотите.

– С удовольствием. Это восхитительное мясо.

И повторил по-английски:

– Восхитительное.

Ужин проходил отнюдь не в оживленной атмосфере.

Судья повернулся к нему. На кончике его вилки раскачивались два тонюсеньких стручка зеленой фасоли.

– Господин Фэрбенкс, вы изучаете строительство определенного типа судов...

– Я посещаю одну верфь за другой. Изучаю, сравниваю. Я планирую создать судостроительную верфь со смешанным франко-американским капиталом.

– Вы собираетесь вложить деньги в какое-то убыточное дело?

– Нет. Я хочу создать совместное предприятие.

– Вы прекрасно говорите по-французски. Вы выучили французский язык в США? И по какому случаю? Кроме узкого круга специалистов, редко кто из иностранцев берется за изучение языка ацтеков.

Сбитый с толку, Ник повернулся к Элен.

– Я не понимаю...

Элен улыбнулась:

– По мнению моего отца, французский вскоре станет одним из мертвых языков. Вот откуда эта шутка.

Ник решил обратить шутку в комплимент:

– Французский язык настолько благозвучный, что...

– Именно поэтому он обречен.

– Возможно, – сказал Ник, – но бостонский английский не имеет будущего. Пришло время переоценки ценностей. Столкновение и миграция народов приводят к смешению и взаимному обогащению языков.

Судья решил сменить тему разговора:

– Вы познакомились с моей дочерью...

– На улице Сент-Мелани. Она поскользнулась и едва не упала. Я подхватил ее.

– Вот как? – сказал судья. – Элен... поскользнулась?

– Я не смотрела себе под ноги. На моем пути оказалась тротуарная плитка, более гладкая, чем остальные...

– Я не знал, что улица Сент-Мелани настолько опасная, – произнес с улыбкой судья.

Наступил момент расположить их к себе. Поскорее рассказать о своих бостонских корнях, о том, что среди родственников со стороны отца тоже был судья. Рассказать, что его тетушка в молодости была влюблена во француза. К тому же бретонца. Ник в сдержанных красках описал их роман. Однако он не упомянул о том, что француз соблазнил, а затем бросил его тетушку. Он только сообщил, что тот не пришел проститься с ней. Печальный конец этой истории он решил припасти на следующий раз. Габриэлла с искренним интересом слушала его рассказ. Ей понравилась любовная история. Она была «огорчена» тем, что бретонец оказался не

на высоте положения. Ах, жизнь порой так жестока...

– В какой-то степени это похоже на сюжет фильма «Женщина французского лейтенанта».

Габриэлла подхватила его мысль:

– Я вижу ее на верхней палубе корабля. Она всматривается в горизонт и в толпу. Объявляют отплытие, пассажирский трап поднимается, а его все нет...

Ник решил, что наступил подходящий момент, чтобы признаться:

– Воспитанный на этой семейной легенде, я имею такие черты характера, в которых почти нельзя признаваться в наш материалистический век...

Он замолчал, словно опасался выдать себя.

– Какие же?

– Я – идеалист и романтик.

– Идеалист? – воскликнула Габриэлла.

Ник решил идти ва-банк:

– В этом мире, где одни деньги правят бал, только дружба – самый большой подарок, который преподносит человеку судьба... или любовь. Любовь с большой буквы.

– Любовь с большой буквы часто приводит к трагедии, – заявил судья.

Габриэлла посмотрела на него в упор:

– Разве у нас не любовь с большой буквы?

– Ну да.

– Я верю в любовь, – сказал Ник. – Уверяю вас, существу-

ет любовь с первого взгляда, как удар молнии. И я могу привести вам пример.

Ожидаемый эффект немного был испорчен приходом прислуги с тарелкой сыра в руках.

– Вы верите в любовь с первого взгляда? – спросила Элен.

– Да. Спасибо Франции и городу Ренн. Господин судья, я должен вам признаться...

Жюльен Корнель сосредоточил все свое внимание на выборе сыра.

– Признаться в чем?

– Вы будете шокированы, но я хочу сказать вам правду. Я влюбился в вашу дочь.

– Ну да, – произнес судья, тыкая кончиком своего ножа в мягкий сыр, прежде чем отрезать себе кусок. – Приезжающие во Францию иностранцы легко заводят разговоры о любви. Это уже вошло в их привычки. Не успели прибыть во Францию, как уже почувствовали себя влюбленными...

– О нет, господин судья, только не я. Я в самом деле сражен...

Судья перебил его, и ворчливым тоном:

– Чем, молодой человек? Ваша версия о любви с первого взгляда позволила нам вспомнить молодые годы. Однако должен вас предупредить, мы весьма сдержанные люди во всем, исключая, возможно, политику. И еще... Вы и сами в этом не уверены до конца...

Резкий запах савойского сыра, который выбрала себе на

десерт Габриэлла, отнюдь не способствовал созданию романтической атмосферы.

– Какие книги советовала вам читать тетушка?

Он почувствовал себя на грани провала.

– Я больше занимался спортом, а чтение... Только самое необходимое.

Габриэлла пришла к нему на помощь:

– Спортом? Американский футбол внушает мне ужас! Футболистам надо обладать недюжинной силой. И для них нет ничего хуже, чем стать победителем. На несчастного наваливается вся команда, чтобы поздравить с победой. Я всегда задаюсь вопросом, как он выходит живым из такой переделки. Читая книги, этому не научишься...

Элен повернулась к Нику:

– Мои родители не знают спортивных правил, принятых в Соединенных Штатах. Сцены с силовыми приемами вызывают их удивление. В то время как наш футбол...

Ник понял, что находился среди людей, весьма далеких от спорта. Что, если он расскажет о том, что был чемпионом по гребле? Это признание вряд ли произведет на них какое-то впечатление.

– Оставим в стороне спорт, – начал он с осторожностью. – Я говорил о том, что влюбился с первого взгляда... И я в этом не сомневаюсь...

– Вы настоящий идеалист, – произнес Корнель, аккуратно обрезая корку с куска сыра. – Со временем это пройдет.

Поверьте мне.

Габриэлла сочла нужным вставить свое слово:

– Жюльен, если он романтик, то останется таким навсегда.

Это врожденное качество. Вот ты таким не был...

– Каким?

– Таким, чтобы признаваться в любви при луне.

– Ну вот! Ты разочарована во мне и чувствуешь себя несчастной. Почти тридцать лет, проведенные со мной, тебе уже кажутся каторгой.

– На десерт у нас будет крем-брюле, – поспешила объявить Габриэлла. – Если вы не любите его, вы можете выбрать любой фрукт.

– Я обожаю крем-брюле, – ответил Ник, смирившийся со своей незавидной участью.

«Я никогда не добьюсь нужного мне результата с такими странными людьми», – подумал Ник.

Элен поднялась, чтобы помочь прислуге. Она принесла поднос с расставленными на нем чашечками из огнеупорного стекла и распределила их между всеми сидевшими за столом.

Ник смотрел на крем-брюле. Его тетя часто заказывала этот десерт, когда на выходные он приезжал к ней из колледжа.

– Похоже, что это вкусно.

– Господин Фэрбенкс, какова, по вашему мнению, главная черта вашего характера? – спросил судья. – Умение жить или

умение делать?

Элен воскликнула:

– Папа, Ник – американец! И тонкости французского языка...

– Умение выживать, господин судья, – сказал Ник. – Мы живем в тяжелое время, и, несмотря на мой высокий рост, спортивное телосложение и двадцатишестилетний возраст, порой мне приходится совсем нелегко.

– Снимаю шляпу, – сказал судья. – Ваша тетушка и в самом деле любила наш язык, чтобы вы им в такой степени владели.

– Она также обожала Францию, – сказал Ник, – вот откуда, я думаю, мое увлечение вашей дочерью.

– Вы все время гнете свою линию. Вы решили меня пошутить?

Ник попытался переубедить его:

– Если в подростковом возрасте то и дело слышать восторженные отзывы о Франции и красивую историю о несчастной любви, то это оставит отпечаток на всю оставшуюся жизнь.

Судья решил сменить гнев на милость:

– Ладно, влюблен так влюблен... Моя дочь и в самом деле настоящее сокровище.

– Я чувствовала бы себя намного лучше, если бы вы сменили тему разговора. Кофе? – спросила Элен.

Судья посмотрел на нее.

– Элен не хватает чувства юмора.

Габриэлла прошебетала:

– Господин Фэрбенкс, не слушайте их. Они... как бы вам сказать, большие реалисты. Вот я совсем другой человек. Если бы кто-то признался мне в том, что я сразила его наповал, то я была бы весьма польщена.

– Благодарю вам, мадам, – сказал Ник, – вы понимаете меня.

Атмосфера разрядилась.

– Уверяю вас, господин судья...

– В чем?

– В моей искренности. Как я вам уже сказал, мне часто приходится посещать Ренн. Я не раз имел возможность увидеть вашу дочь.

Элен принесла в столовую кофейный сервиз. Кофейник был из массивного серебра, а чашки с золотым ободком – из тонкого фарфора.

Судья повернулся к Нику.

– Интересно.

– Элен очаровала меня. После нашей встречи на улице Сент-Мелани я все время пытаюсь увидеться с ней и поговорить.

– Скрытная, – произнес судья в адрес Элен.

– Папа, нечего было рассказывать.

Судья поднял свой бокал:

– За ваше здоровье, господин Фэрбенкс, за ваш энтузиазм!

Ник продолжал:

– Я хочу пригласить Элен провести со мной день в море на борту яхты. Я проверяю ходовые качества разных типов судов. Судостроители охотно предоставят в мое распоряжение любую яхту даже на несколько часов.

– Морская прогулка, безусловно, пойдет ей на пользу.

Ник размышлял. Если его грандиозный план удастся и он женится на этой скромной девушке, происходившей из столь уважаемой французской семьи, возможно, он не станет торопиться расстаться с ней. Эти люди, словно пришельцы с другой планеты, разжигали его любопытство.

– Пройдемте в мой кабинет, – сказал судья, – я угощу вас коньяком 1938 года. Это год моего рождения. У нас во Франции...

Какие же они странные, эти люди! Пережившая трагедию семья, проявлявшая во время этого ужина поддельный интерес к своему гостю, немного пришла в себя, но все же отставала от событий.

Отпивая понемногу старый коньяк в кабинете судьи, Ник пытался войти в роль терзаемого сомнениями молодого человека.

– О чем вы задумались, господин Фэрбенкс?

– О трудностях бытия. Я влюбился не только в вашу дочь. Мне нравится и ваша супруга, и вы, и этот дом, и этот город. В вашей семье я почувствовал тепло семейного очага.

Пошел ли он в нужном направлении? Он не был уверен.

Судья переставлял с места на место африканскую статуэтку.

– Это смеющийся божок, – сказал он, – произведение кенийских мастеров. Богам можно все. Вот этот счастлив, что является божеством. Господин Фэрбенкс, вы пали жертвой миража. Пребывание на чужбине часто вызывает у людей склонность к преувеличению. Этому способствует другая языковая среда, даже если вы знаете местный язык. Другие нравы, летняя атмосфера, желание пожить какое-то время без привычных забот искажают действительность.

Корнель с вождением смотрел на серебряную шкатулку с сигарами. Он не курил, но держал ее в кабинете, чтобы укреплять силу воли.

– Для Элен, – продолжал он, – вы являетесь воплощением того мира, который близок ее сердцу. Она любит Америку. Заходите к нам несколько месяцев спустя, если за это время вы не забудете живущих в Ренне судью, его жену и дочь. Время все расставит по своим местам.

Задумавшись, он посмотрел на Ника.

– А пока, до вашего отъезда, вы можете встречаться с Элен, если она этого захочет. Знакомство с вами пойдет ей на пользу. Если бы вы смогли как-то развлечь ее...

– Развлечь? Это слово мне кажется не совсем уместным.

Он взвешивал каждое свое слово. Да, он изображал пылкого влюбленного. Да, он был чужаком, хитростью вторгшимся в этот дом. Мало-помалу он вошел в свою роль настолько, что и сам поверил в свою искренность:

– В своей жизни я испытал немало любовных увлечений, но еще никогда не думал о том, чтобы жениться. Эта мысль ни разу не приходила мне в голову. И вот всего за несколько дней мое мнение в корне изменилось. У меня, господин судья, самые серьезные намерения.

Удастся ли ему завоевать доверие судьи?

– Какие намерения?

– Если я отвечу вам со всей прямоотой, то боюсь, что вы примете меня за умалишенного. Однако, находясь в трезвом уме и твердой памяти, могу сказать одно: я хочу жениться на вашей дочери.

Всего несколько минут назад присоединившаяся к ним Габриэлла подскочила на стуле:

– Жениться?

Судья хранил спокойствие, словно психиатр, сидевший напротив больного, который объявил себя Наполеоном.

– Господин Фэрбенкс, во Франции к браку относятся со всей серьезностью. Это вам не какой-нибудь Лас-Вегас.

Ник улыбнулся:

– Вы более снисходительно смотрите на внебрачные связи?

Судья смотрел на него в упор.

– Это естественный отбор в соответствии с веяниями конца двадцатого века. Однако нет никакой гарантии, что одна теория окажется лучше другой. Я хочу предостеречь вас: не доверяйтесь первому впечатлению. Картины, фамильное

серебро, старинная мебель... Эти предметы собирались на протяжении веков и переходили из поколения в поколение. Они имеют относительную ценность. Это только декорации к спектаклю о славном прошлом нашей семьи. На сцене же остается судья со своей скромной зарплатой, его супруга, вынужденная подрабатывать, чтобы свести концы с концами. Элен, кроме своего жалования преподавателя, получит от нас в приданое только сувениры, фотографии и несколько серебряных ложек.

– Я вовсе не гонюсь за приданым, – возмутился Ник. – Совсем скоро у меня будет приличное состояние. Я получу наследство от моей тети.

Судья поднял руки к небу:

– Я вовсе не желаю ничего знать о вашем материальном положении.

Элен вошла и села рядом с матерью.

– Вы верите в Бога? – спросила Габриэлла таким тоном, словно хотела спросить: «Как вы поживаете?»

– Не знаю, мадам. Я надеюсь..

– Надеемся на что?

– Поверить. Однако я ни в чем не уверен. Скорее я над этим думаю.

Что еще сказать, чтобы они не разочаровались в нем? И избежать религиозной церемонии? Одна только мысль о церковном браке наводила на него ужас, словно речь шла о пожизненном тюремном заключении.

Он попытался перевести разговор на другую тему:

– Моя тетушка была членом одной...

– Чего? – спросил судья.

– Ассоциации, наподобие «Клуба Бога».

– То есть?

– Обычно такие организации называют сектами. Тетушка слушала разные лекции по метафизике и окружала себя людьми, которые развлекали ее разговорами.

– Секты нынче в моде, – сказал судья. – Однако эта система существует испокон веков. Секты вовлекают в свои сети одиноких людей. Вам следовало бы окружить вашу тетушку вниманием и заботой. Почему она обратилась за помощью к сектантам?

– Я жил на восточном побережье, – ответил с осторожностью Ник. – Я навещал ее каждые полгода.

– У нее не было никого, кто бы мог составить ей компанию?

– Да, была у нее одна приятельница. Она до сих пор живет в ее доме в Сан-Франциско.

– Жюльен, ты задаешь слишком много вопросов господину Фэрбенксу...

– Вовсе нет, мадам, – сказал Ник. – Я с удовольствием отвечу на них. Интерес, который проявляет господин Корнель к моей скромной персоне, дает мне надежду на то, что он воспринимает меня всерьез.

Судья встал, добавил еще коньяка в их бокалы, затем

вновь закупорил резной пробкой хрустальный графин.

– Хочу, чтобы вы знали. Единственное, что я желаю от этой жизни, – найти того водителя, который убил мою дочь, и расквитаться с ним.

Словно исчерпав все темы для разговора, они замолчали. Ник играл с огнем. Столь неуместное упоминание о несчастном случае могло свести на нет все его усилия. У него был всего один вечер, чтобы расположить к себе это семейство.

Прислуга открыла дверь в кладовку. Оттуда галопом выскочила миниатюрная собачка, нетвердо державшаяся на коротких лапах. Половину круглой мордочки занимали наполненные тревогой глаза. Нельзя сказать, что возбужденное состояние украшало этого пса. Под тонкой кожей было видно, как бьется его крошечное сердце.

Габриэлла подхватила собаку и прижала ее к себе.

– Он ищет защиты и ласки...

– Господин Фэрбенкс, если случится так, что вы станете частым гостем в этом доме, то вы увидите, что здесь процветает культ животных. У моей дочери был кот. Она не захотела его кастрировать. В результате он сбежал в поисках любовных приключений. Мы его больше не видели. Перед тем как мы потеряли нашу дочь, у нас в доме жила немецкая овчарка. Верный пес бросился под грузовик на дороге в Сен-Мало. Не выдержав разлуки с нашей младшей дочерью, он покончил с собой. Так нам показалось... И вот сейчас моя жена купила этого странного щенка, которому я, тем не ме-

нее, присвоил весьма достойное прозвище – Крыса.

Вскоре Ник понял, что ему пора уходить. Он повернулся к Элен:

– Когда я смогу увидеться с вами?

– Наш дом открыт для вас, – сказала она.

Никто в этом доме не собирался задерживать его. Они смотрели на него как на пустое место.

Элен проводила его до входной двери. Он взял ее лицо в свои ладони.

– Вы позволите мне...

Она посмотрела на него.

– ...вас поцеловать?

Приблизившись губами к ее губам, на одном дыхании он прошептал:

– Я люблю вас. Вы приснились мне во сне обнаженной. Я занимался с вами любовью. Всю ночь я держал вас в своих объятиях.

«Только бы он не исчез из моей жизни, – подумала она, – только бы в эту ночь у него не изменилось настроение и он не сел бы в первый попавшийся поезд до Парижа, а затем в самолет, чтобы улететь на другой край света».

Их поцелуй был долгим. Наконец она отпрянула от него.

– Вы такой...

– Страстный, – сказал он. – Такой же, как и вы. К чему отрицать?

Некоторое время спустя после ухода Ника готовившийся ко сну в их общей комнате судья как бы невзначай спросил жену, что она думала об американце.

– Сентиментальный, обаятельный, чистый.

– И еще блаженный!

– Что?

– Потому что чистый, – произнес судья, развязывая галстук. – Надеюсь, что под прикрытием этой судоверфи, которая мне кажется чистым блефом...

– Блефом?

– Да... Что, если он намерен отмывать здесь грязные деньги?

– Одни люди страдают от артрита, деформирующего суставы, а другие – от профессии, деформирующей мозги. Элен привела в наш дом не преступника, а воспитанного молодого человека.

– Вот именно, слишком хорошо воспитанного. И очень покладистого. Ты должна была заметить, что он все время соглашался с нами. Словно не хотел нам перечить.

– Но он же влюблен! – воскликнула Габриэлла. – Конечно же, он хочет понравиться нам. И это нормально. Это наш реванш за того мерзавца Рауля. На кухне Матильда рассказала мне, что видела его с какой-то девицей. Очень юной. Заметив Матильду, он настолько испугался, что тут же затолкнул девицу в свою машину и уехал вместе с ней.

– Ты выслушиваешь сплетни?

– Да. Я слушаю разные городские радиостанции. В том числе те, что разносят всякие слухи и сплетни. Это нормально. Я всегда в курсе событий. Ах, если бы удалось устроить роскошную американскую свадьбу! На зависть всем сплетникам!

Она едва не прослезилась от волнения.

– Жюльен, прошу тебя со всей серьезностью, не надо портить эту красивую историю.

– Я ничего не собираюсь портить, – сказал судья. Он уже стоял в одних трусах. – Я же не чудовище. Однако меня удивляет, чем этому парню могла понравиться наша семья. Если бы я был на его месте, то бежал бы со всех ног от таких людей, какие мы теперь.

– Ну уж нет, – запротестовала Габриэлла. – Ты силен только в своей профессии и ничего не смыслишь в психологии. Этот парень одинок. Мы пригласили его к себе. Ты же сам видел, как он был доволен, что попал в уютный семейный дом. Элен нравится ему. У американцев нет таких комплексов, как у нас.

Корнель прервал ее:

– Менее закомплексованы? И ты в это веришь? А что, если он окажется проходимцем?

Габриэлла воскликнула:

– Проходимцем? Нам только этого не хватало...

– Повторяю, его поведение показалось мне странным.

– Он – романтик, к тому же на дворе лето. Он не женат.

Почему ты не хочешь поверить в то, что можно влюбиться в твою дочь?

– Короче говоря, – сказал судья, – ты уже видишь американца членом нашей семьи.

– Нет. Я хочу только того, чтобы Элен уехала отсюда. В Ренне свободного мужчину днем с огнем не отыскать. Помимо профессиональной деятельности, люди практически не пересекаются друг с другом. У Элен совсем другой характер, чем был у Лидии...

Она замолчала. Лидия была общительной, она быстро заводила новые знакомства. Она легко шла по жизни до тех пор, пока ее не сбила насмерть машина.

Корнель надел халат, подвязал его поясом и вышел из комнаты. Вернувшись в свой кабинет, он позвонил одному из своих друзей, бывшему сотруднику спецслужб, некоему Дювалю. Они познакомились еще в те времена, когда судья был следователем. Несмотря на то что он уже давно был на пенсии, Дюваль сохранил связи в определенных кругах, а порой и консультировал своего преемника. Раньше, еще до того, как в семье Корнеля произошло несчастье, они довольно часто встречались. Однако после несчастного случая они только говорили по телефону. Корнель обращался к нему за помощью. Надо было во что бы то ни стало найти того, кто был за рулем. Дюваль ему искренне сочувствовал и был готов помочь своему другу. Вот и в этот вечер он несколько не удивился, когда судья попросил срочно собрать некоторые

сведения.

– Старина, сегодня ты мне нужен как никогда. Речь идет о моей старшей дочери.

Старшая дочь? Но у него теперь только одна дочь.

– Всегда рад помочь тебе.

– В Ренне находится один американец. Некто Ник Фэрбенкс.

– Я записал.

– Я хочу узнать точную дату его прибытия во Францию и причину, по которой ему выдали долгосрочную визу. И еще...

– Слушаю тебя.

– По его словам, он находится в Ренне больше трех месяцев. До этого он посетил судостроительные верфи в Вандее. Во Франции он живет уже около семи или восьми месяцев. Он прекрасно владеет французским языком. Где он проживает? С кем встречается? Имеет ли он специальный банковский счет для иностранцев, и если имеет, то кто пополняет его?

– В чем проблема?

– Моя дочь прониклась к нему симпатией. Мне же этот тип кажется подозрительным. Либо он выдает себя не за того, кем является, либо большой чудак. Он слишком настойчиво ухаживает за Элен. Он даже признался, что влюбился в нее с первого взгляда. Он так расхрабрился, что заявил о своем намерении жениться.

– Фиктивный брак, чтобы остаться во Франции?

– Нет, – сказал судья. – Этот американец, по-видимому, располагает средствами или же скоро получит их. По его словам, он собирается открыть здесь предприятие или же стать совладельцем какой-либо расположенной поблизости или в Вандее судовой верфи. Ему не нужен фиктивный брак.

На другом конце города Дюваль, пожилой мужчина с усами и плотного телосложения, не выпуская из рук телефонную трубку, делал записи в своем блокноте.

– Он прибыл из какого штата?

– По его словам, из Сан-Франциско, где жила его тетка. Она носит ту же фамилию – Фэрбенкс, независимо от того, в каких родственных отношениях с ним состояла. В Пасифик-Хейтсе у нее был дом. Надо узнать все об этих Фэрбенксах из Сан-Франциско. Вплоть до того, какие они делали телефонные звонки. Он мог все выдумать от «А» до «Я». Мне не нравятся такие типы. Моя дочь была травмирована поведением Рауля. Зачем ей переживать новое разочарование?

– Кстати, – сказал Дюваль, – я видел вашего Рауля в Сен-Касе. Он загорал на пляже с такой юной девицей, которую можно принять за его дочь.

– Такова теперешняя мода. – сказал Корнель. – Жениться на девушках, годящихся в дочери...

– Сорокалетние, – продолжал Дюваль, – женятся на двадцатилетних. Когда же им стукнет пятьдесят, они уже ищут себе семнадцатилетних. Не исключено, что ваш Рауль нашел

себе девицу среди учениц Элен. По крайней мере, есть такой слух. Все только о вас и говорят.

– Я рассчитываю на тебя. Не стоит говорить...

– ...что все это секретно и не терпит отлагательства, – заключил Дюваль.

Около шести часов утра телефонный звонок прервал тревожный сон судьи. Он взял трубку и жестом успокоил проснувшуюся Габриэллу.

– Не волнуйся. Спи...

– Пока есть только новости из Ренна, – сказал Дюваль. – Остальные поступят позднее.

– Спасибо. Я слушаю тебя.

– Твой Фэрбенкс проживает в отеле «Азалия», неподалеку от вокзала. Хозяин весьма положительно отзывается о нем. Вначале он снял один номер, а затем и второй.

– Почему два номера?

– Он здесь со своим лучшим другом, неким Робинотом Раскиным.

– Они гомосексуалисты?

– Вовсе нет. Как только Ник уходит из гостиницы, к его приятелю приходят девицы. Вашему американцу надоело часами дожидаться у дверей, вот почему он снял еще один номер.

– Профессия?

– Он часто говорит о судостроительных верфях, на кото-

рых побывал. Вроде бы среди них он ищет себе надежного партнера по бизнесу.

– Когда они поселились в отеле?

– Три месяца назад. Похоже, что один из них летал на короткое время в Соединенные Штаты, а может быть, и оба. Во всяком случае, их никто не видел. Они ездят на подержанной машине, купленной по случаю у хозяина гаража рядом с вокзалом.

– Как они оплачивают свои расходы?

– Кредитной карточкой. Все остальное я смогу тебе рассказать через сорок восемь часов, если ты можешь ждать. Он же не собирается силой выкрасть твою дочь...

– На первый взгляд у него самые благородные намерения, – сказал судья. – Говоря о себе, он даже использовал слово «сентиментальный». Элен испытывает слабость к таким вот болтунам. А моя жена, ты ее знаешь, вообще растаяла...

– А как ты себе это представляешь? Он является к тебе в дом со словами: «Я – дерьмо, мошенник, двоеженец, торговец тем и тем». Через сорок восемь часов я узнаю, не заведено ли на него уголовное дело в Штатах.

– Спасибо, – сказал судья.

– Однако, – продолжал Дюваль, – Элен – красивая девушка. Почему ты исключаешь такую возможность, что она действительно понравилась ему?

– «Я заметил ее на улице и был сражен наповал», – сказал

он мне. Как бы ты сам отнесся к таким словам?

– Возможно, он неправильно выразился, он же иностранец. В то же время его прямодушие свидетельствует в его пользу. Возможно, что он чист и переполнен добрыми намерениями. По словам хозяина гостиницы, Фэрбенкс большую часть дня проводит в городе, в то время как другой, Раскин, лентяй и ловелас, ждет его в своем номере. В последние две недели к нему приходит одна метиска. Ее отец торгует подержанными вещами. Она – его приемная дочь.

– А Ника Фэрбенкса видели с какой-либо девицей?

– В отеле – нет.

– Спасибо, – сказал судья. – А имеются ли новости по делу о несчастном случае?

– Пока никаких. Уже опросили жителей в округе. В периметре, который нас интересует, никто ничего не видел и не слышал. Если бы ты хотя бы знал, что она делала одна на скутере в десять часов вечера на дороге в Динар...

– Я не знаю. В тот день Лидия должна была находиться у Каролины, своей лучшей подруги. От нее Лидия якобы уехала без предупреждения. После долгого размышления и в результате давления на нее родителей, подруга призналась, что Лидия встречалась с кем-то каждый раз после того, как бывала у них в гостях.

– В этом вся проблема. Люди настолько боятся быть замешанными в какое-то судебное дело, что молчат. Они выражают сочувствие, а затем посылают нас куда подальше. По-

пробуй вытянуть из них хотя бы слово.

– Я никогда не соглашусь с закрытием этого дела, – сказал судья. – Никогда.

4

Вернувшись в гостиницу, Ник на цыпочках прошел мимо двери Робина и заперся в своем номере. Он долго стоял под душем, затем лег в постель. Он мысленно подвел итог прошедшего дня. Счет был в его пользу. Но только при условии, что перед ним не разыграли комедию. Его самолюбие было удовлетворено. Наконец-то он перешагнул порог столь закрытого для него дома. Засыпая, он вспомнил тот день, когда впервые увидел Элен. Он никогда не сможет забыть его. Если ему повезет и он будет жить с ней под одной крышей, то ему придется привыкнуть к ее постоянному присутствию. Главное, не думать о прошлом, которое известно только ему одному. Будущее уже рисовалось Нику в розовых тонах. Однако, чтобы обеспечить воплощение его мечты, ему была нужна Элен с ее уравновешенным характером, врожденным аристократизмом.

Ночью он все время переворачивался с боку на бок. Его одолевали тревожные сны. Ник встал на рассвете далеко не в оптимистичном настроении. В половине восьмого утра он спустился в ближайшее от гостиницы кафе-бистро. Хозяин налил ему чашечку кофе, аромат которого смешался с запахом разлитого на стойке вина. В восемь часов он начал обзванивать агентства, чтобы арендовать яхту в Сен-Мало. Если в первом все парусники оказались уже арендованными,

то во втором пошли ему навстречу, обрадовавшись, что к ним проявляет интерес американский инвестор, и предложили двенадцатиметровый парусник на целый день.

– В принципе, это то, что мне нужно, – сказал Ник. – Оставьте его для меня. Я сообщу вам окончательное решение через полчаса.

Он набрал домашний номер судьи. Габриэлла взяла трубку. Ее голос звучал бодро: «Мы рады, что познакомились с вами. Вы произвели на нас хорошее впечатление. Заглядывайте к нам, как только захотите провести время в домашнем кругу». Он в свою очередь рассыпался в любезностях: «Какой прекрасный вечер, какой замечательный десерт...» Он попросил прощения, что побеспокоил их в такую рань, и попросил позвать к телефону Элен.

– Какое беспокойство? Что вы такое говорите! Мы встаем очень рано. Сейчас я позову Элен. Не вешайте трубку. Она на первом этаже.

Послышался собачий лай. По-видимому, пес носился по всему просторному дому. Ник подбросил еще несколько монет в автомат. И тут он услышал голос Элен. Ни секунды не раздумывая, она приняла его приглашение.

– Я с удовольствием поеду с вами. Через сорок минут? Я буду готова. До скорой встречи!

Не в силах побороть свое любопытство, Габриэлла задержалась в холле. Она не чувствовала себя лишней, поскольку считала себя соучастницей.

– Он нравится тебе? Мне кажется, что ты ждала этого звонка. Элен, ты что, влюбилась?

– Нет, мама. Вообще-то я еще ни разу не влюблялась. Любовь с первого взгляда мне чужда и непонятна. С Раулем я только надеялась устроить мою жизнь. Мне казалось, что он именно тот мужчина, который мне нужен. И я ошиблась. Ник говорит со мной совсем на другом языке, за что я бесконечно благодарна ему. Я снова поверила в себя.

– Мне кажется, что вам не будет лишней корзина для пикника, – сказала Габриэлла. – У меня осталась от вчерашнего дня выпечка и сыры.

Габриэлла не могла допустить, чтобы дочь по ее недосмотру испытывала какое-либо неудобство. Элен улыбнулась.

– Как хочешь, мама. Спасибо в любом случае. Я тебя люблю...

Габриэлла в свою очередь улыбнулась. Кому было адресовано это «я тебя люблю»? Ее дочь, безусловно, испытывала потребность произнести вслух эти слова.

Элен приняла бодрящий душ, затем высушила волосы и распределила по лицу немного солнцезащитного крема. Наконец она вздохнула с облегчением и потянулась за темными очками.

Ник ждал Элен у входа в дом, сидя за рулем старого автомобиля. Увидев ее, он тотчас вышел из машины, чтобы встретить ее. Ей понравилось его внимание. Она уже давно нуждалась в заботе и ласке. Ник показался ей таким надеж-

НЫМ...

Из окна на втором этаже Габриэлла наблюдала за ними. Чуть позже она объявила Жюльену:

– Элен уехала вместе с Ником. Они отправились на морскую прогулку.

– Уже? – сказал судья – Этот тип не теряет времени даром.

– Тип... Почему ты сказал «этот тип»?

– Ну ладно, этот молодой человек.

Порой жена казалась ему несносной.

Дорога была широкой, движение плотным, водители только и норовили подрезать друг друга.

– Crazy traffic, – произнес Ник.

Сегодня утром он решил перейти на английский язык. Ему казалось, что таким путем он задает тон их разговору. Элен с радостью прислушивалась к английской речи. Отшлифованное до блеска дорожное покрытие отражало солнечные лучи, которые слепили их.

– Мне вспомнились мои многочисленные автобусные поездки по Соединенным Штатам, – сказала Элен. – Когда я слышу вас, то мне кажется, что я снова в Америке.

Ему удалось создать нужную атмосферу. Надо использовать каждую секунду ее ностальгического настроения.

– Моя жизнь простая и в то же время сложная, – начал он. – В Сан-Франциско моя тетушка устраивала приемы, как она говорила, «в мою честь». Вначале это мне даже нрави-

лось, а потом стало вызывать досаду. Каждый раз она знакомила меня с какой-либо девицей на выданье. Это была ее навязчивая идея... поскорее женить меня. Она опасалась, что я слишком близко сошелся с моим лучшим другом Робинот. Она считала его гомосексуалистом. Старческие причуды... В то же время ей было известно, что мы с Робинот дружим с двенадцатилетнего возраста. И он был мне всегда как родной брат. Она не могла понять, что с годами наша дружба только крепла день ото дня. Робинот разделил мое увлечение и яхтенным спортом. Тетушка запретила ему подниматься на борт ее яхты «Иоко II». Робинот нарушал ее запрет, поскольку я передавал ему ключи. Однако ему приходилось прятаться в одной из кают, когда моей тете приходило в голову появиться на борту с проверкой.

Ник решил посвятить Элен в некоторые подробности своей жизни в Сан-Франциско, вызвать доверие и потрясти ее воображение.

– «Иоко II»? – переспросила Элен.

– Да. Роскошная яхта, которую моя тетушка арендовала на тот период, когда я гостил в Сан-Франциско. Если бы я согласился жить в ее доме, то она купила бы ее для меня. Однако я отказывался входить в эту золотую клетку. И все же накануне своей смерти она купила эту яхту. Предчувствие? Излишняя предосторожность? Не знаю... Было бы понятно, если бы она болела. Однако ничего подобного. Она могла бы еще жить долгие годы. Виной всему несчастный случай.

По всей видимости, ей захотелось добавить в свое завещание яхту в качестве приманки. К тому времени, когда я войду во владение наследством, «Иоко II» будет моей собственностью. Необходимо только соблюсти все юридические формальности.

– Юридические формальности?

– Ну да! Даже в своем завещании тетушка нашла способ шантажировать меня. Она поставила свои условия. Пребывает ли она сейчас на небесах или же в аду, но достает меня отовсюду. Какое-то время я жил с одной итальянкой, родившейся в Соединенных Штатах. Я вам уже говорил о ней. Тетя Джоан так упорствовала, что я пообещал жениться на этой девушке. Тетушка тотчас ухватилась за это необдуманное обещание.

Элен, спустившись с облаков на землю, ждала продолжения столь душещипательной истории.

– Что же произошло с этой девушкой?

– Мы расстались с ней тихо и мирно. Она поняла, что я не смогу быть идеальным супругом для нее. Ей был нужен домосед и чадолюбивый семьянин. У меня же нет ни малейшего призвания к воспроизводству населения.

– Воспроизводству? – спросила Элен. – Странное определение.

– Возможно, но я не испытываю ни малейшего желания потакать материнским инстинктам какой бы то ни было женщины. Стать главой большого семейства вовсе не является

целью моей жизни. Я – одиночка, который хотел бы найти свою половинку.

– Чего вы ждете от жизни, Ник?

– Встретить серьезную уравновешенную женщину, умеющую держать....

– Держать что?

– Удар. Я не хотел бы прозябать рядом с истеричкой, устраивающей мне сцены и осыпающей меня упреками... Я не миссионер и не психоаналитик, разбирающийся в тонкостях подкоркового мышления.

Надо было пояснить Элен некоторые нюансы возникшей перед ним проблемы, чтобы она не рассердилась. Если в тот момент, когда его старую машину обгоняли мощные грузовики, обдавая облаком густого сизого дыма, он признался бы ей, что вынужден вступить с кем-то в брак, чтобы получить наследство, она тут же дала бы ему отворот. Только он ее и видел бы после этого.

За ними вплотную пыхтел грузовик.

– Может быть, пропустим его...

– Почему? – спросил Ник.

– Потому что шофер смеется над вашей старой машиной.

– Пусть подарит мне «феррари».

– Не надо нервничать... Здесь большое движение. Я много лет езжу по этой дороге.

Ник сбавил скорость и перестроился в правый ряд. Грузовик дал нетерпеливый гудок и помчался вперед.

– Для поездок в Ренне, – заметил, стараясь оправдаться, американец, – эта старая тачка меня вполне устраивает. Только бы ее колеса крутились. Мне другой не надо.

– Моя машина стоит в гараже, – сказала Элен. – Я не сажусь за руль после того, что случилось с моей сестрой. Если хотите, я могу предоставить ее вам во временное пользование.

– Спасибо, не надо. Моя старушка ездит, и это главное. Мы уедем отсюда вместе с ней. Я в Сан-Франциско, она на свалку.

На горизонте показались очертания Сен-Мало.

Элен решила подстраховаться, чтобы впредь избежать малейшего недоразумения. Она небрежным тоном произнесла:

– Как женщина серьезная и уравновешенная – а именно такие женщины вам нравятся, не правда ли? – хочу сказать вам со всей прямоотой: я не опытный образец для постельных экспериментов.

Ник скорчил гримасу.

– Разве я похож на сексуального маньяка, только и ждущего удобного момента, чтобы наброситься на вас? Ваше замечание похоже на оскорбление.

– Оскорбление? Ничего подобного... Только маленькое уточнение, чтобы избежать недоразумения.

В порту Ба-Саблон Ник сразу же направился в пункт аренды яхт Вандеи. Навстречу им вышел хозяин, и они поспешили на причал. Заказанная яхта стояла у самого последнего

понтон.

– Мы рады доставить вам удовольствие, господин Фэрбенкс. Яхту вымыли, но не исключено, что там остались какие-то следы пребывания пассажиров, вернувшихся вчера из трехнедельного круиза.

Ник вместе с Элен только заглянули в две небольшие каюты, а затем включили мотор и отплыли от причала. Элен сказала, что Сен-Мало был похож на бухту Сан-Франциско... Ник не стал с ней спорить, а только снисходительно улыбнулся.

Зеленая береговая линия вытянулась дугой. Поднялся ветер, и они смогли поднять паруса. Покрытое облаками молочно-белое с синими прожилками небо ошеломляло своей переменчивой красотой. Скрывавшееся за облаками солнце рисовало на поверхности воды причудливые узоры.

– Если бы вы, Элен, вышли за меня замуж...

Она повернулась к нему:

– Если когда-нибудь я выйду за вас? – повторила она его слова – Я слушаю вас, продолжайте... Вы рассмешили меня!

– Я предложил бы вам отправиться со мной в свадебное путешествие на «Иоко II» к северным островам Японии.

– Добродетель вряд ли пострадает, – произнесла она, – если путешествовать только вдвоем на яхте длиной, как вы сказали, в двадцать два метра, даже с автоматизированной системой управления и радаром.

Ник крепко держал в руках штурвал.

– С нами может быть Робин.

– Робин?

– Мой лучший друг.

– Ах да! Свадебное путешествие втроем? – воскликнула Элен. – Мне кажется, что этого будет недостаточно. Еще куда ни шло, если бы он взял с собой подружку. Две пары – уже неплохо, но путешествовать по морю втроем совсем неинтересно.

– Подойдите поближе ко мне, – сказал он.

Она встала рядом с ним.

– А если мы попробуем сделать все не так, как принято, а наоборот? – предложил он. – Сначала поженимся, а потом уж поближе узнаем друг друга. Не совсем классический вариант, но, возможно, удачный. Вы мне очень нравитесь, но у меня совсем мало времени на уговоры.

– Вы так торопитесь, словно завтра – конец света.

– А что, если вы – мой конец света? – сказал Ник.

Элен улыбнулась.

– Это ребячество, хотя и не лишнее романтики. Видно, что вы привыкли получать от жизни все и сразу. Вы разочаруетесь, как только начнете общаться со мной в повседневной обстановке.

– Любовь, по-вашему, похожа на тяжелое испытание? – заметил Ник.

– Я подумала, – продолжала Элен, – и решила, что могла бы провести несколько недель в Пасифик-Хейтсе. Я недавно

пережила весьма болезненный разрыв. Было задето мое самолюбие. Мне бы очень хотелось уехать куда глаза глядят... на какое-то время.

– Прекрасно, – сказал он. – Вот вам и доказательство. Нравственных устоев больше не существует. Честный человек вызывает у вас подозрение. Надо было нагородить вам с три короба всякой чепухи, тогда, возможно, вы отнеслись бы ко мне с доверием. Вы пережили мучительный разрыв, но не исключаете возможности вступить в новую связь. Я отнюдь не захватчик. И мне не хочется быть лекарством от депрессии.

– Господин Фэрбенкс, вы не можете быть в ответе за мою жизнь.

С возмущенным видом он скомандовал:

– Возвращаемся. Внимание, сейчас повернем.

Элен сделала произвольный жест.

– Какой крутой поворот! Почему?

– Я разочарован. Я рассердился. Вы считаете меня лживым типом, который вешает вам лапшу на уши. Нам лучше расстаться.

Яхта накренилась.

Ник перешел на английский язык:

– Я думал, что моя тетушка, вознесшаяся на небеса, организовала отсюда нашу встречу. Тетушкина любовь ко мне помогла мне найти вас. Спасибо, что вы рассеяли мои иллюзии.

Он почти и сам поверил, что рассердился не понарошку.

Элен была растеряна... Что, если этот молодой человек при всех его странностях говорил правду? Вдруг она во второй раз упустит свой шанс? Она до сих пор сожалела о том, что отказалась поехать на стажировку в Соединенные Штаты. Впоследствии она смогла бы руководить центром по международному обмену студентами.

Они уже подплывали к Сен-Мало.

– Нам не следует больше встречаться, – сказал Ник. – У меня тоже есть самолюбие. Вас привлекает возможность побывать в Сан-Франциско, а вовсе не моя персона. Любовными приключениями я сыт по горло. Законный брак принес бы в мою жизнь стабильность. Сознание, что я взял на себя определенную ответственность...

Немного позднее, уже в машине по дороге в Ренн, он заявил:

– Когда в двенадцатилетнем возрасте остаешься сиротой, то мечтаешь о семье. Когда тебя воспитывает тетушка, влюбленная во Францию, естественно, влюбляешься во француженку. Результат? Тебя вышвыривают за дверь. Спасибо. С меня хватит. Впредь я больше не буду предаваться романтическим грезам.

Она вышла из машины около своего дома. Он остался сидеть за рулем.

– Если бы вы позвонили мне завтра... – произнесла она.

– Спасибо, нет. Желаю удачи!

Машина сорвалась с места. Он позвонит Аните и назначит дату их бракосочетания.

5

Габриэлла сгорала от любопытства. Она хотела поскорее узнать все подробности морской прогулки. Объявив о том, что ее роман с американцем закончился, даже не начавшись, Элен заперлась в своей комнате и позвонила Мириам.

– Я же говорила, что не следует бросаться таким парнем! – воскликнула Мириам. – Надо было окружить его лаской и заботой. Вначале обо всем расспросить, а затем навести справки. Тебе надо было тянуть время, чтобы все разузнать о нем. Возможно, что тебе повезло встретить единственного в мире мужчину, который хочет жениться. Однако почему он не стремится поскорее переспать с тобой? Он хочет взять кота в мешке? Без предварительного испытания?

– Он выбирает не автомобиль.

– Однако согласись, что вы оба ведете себя очень странно. Он играет в рыцаря, отправившегося в крестовый поход, а ты – в недотрогу. Да это же курам на смех! Элен, я собираюсь уехать на выходные в Париж. Если захочешь, я могу предоставить в твое распоряжение мою квартиру. Ну да! Что бы я на твоём месте сделала? Конечно, нельзя решать за других, но я поспешила бы нырнуть с ним под одеяло, прихватив большой запас самых прочных презервативов. В случае если он хотя бы как-то справится со своей задачей, то я согласилась бы пойти с ним в мэрию. Если же он покажет высший

пилотаж, то я побежала бы под венец со всех ног.

– Постель не решает все наши проблемы, – заметила Элен.

– Да, не все, – сказала Мириам, – однако определяет большую часть нашего бытия.

– Ты считаешь, что я должна пригласить его еще раз, когда отца не будет дома?

– Сделай это поскорее, – сказала Мириам. – Ведь эта редкая птица может упорхнуть. На всякий случай я пришлю тебе в конверте мои ключи.

Элен ждала звонка Ника. Наконец ближе к вечеру он позвонил. Он говорил с ней совсем другим, почти заискивающим тоном. Он просил у нее прощения и каялся во всех смертных грехах. Да, он вел себя как дерзкий грубиян. Элен слушала его почти с умилением, а затем пригласила на завтрак. Он с радостью согласился.

На следующий день он удостоился шумного приема Крысы. Однако, когда Ник решил погладить собаку, она убежала. Габриэлла, Элен и Ник сидели втроем за столом и вели между собой неторопливую беседу. Нику удалось создать дружескую атмосферу.

– У меня самые благородные, но в то же время практические намерения. Мне нужна женщина, разделяющая мою любовь к морю и приключениям. И конечно, влюбленная в меня.

За десертом Габриэлла спросила его:

– Ник, вы утверждаете, что полюбили Элен. Возможно, в

Америке слово «любовь» имеет не столь большое значение, как у нас?

Ник с самым простодушным видом произнес:

– Я еще никогда не испытывал подобного эмоционального подъема. Я не могу выразить словами, что я чувствую сейчас. По-моему, это и есть любовь.

По мере того как он входил в образ искреннего молодого человека, эта роль все больше и больше нравилась ему. Он продолжил:

– Мне до сих пор не было знакомо такое чувство, как истинная нежность. Я уверен, что это верный признак настоящей любви.

– Мне по душе ваша искренность, – сказала Габриэлла. – Однако я хочу вас предупредить. Если вы и в самом деле имеете серьезные виды на Элен, то вам придется смириться с присутствием в ее жизни, пусть даже невидимым, ее сестры Лидии. Малейшее пренебрежение по отношению к ее светлой памяти может нанести ей смертельный удар. Наша семья состоит из четырех человек. Если бы в нашей семье не произошло это несчастье, то вы познакомились бы с замечательной девушкой. Она мертва. Но не для нас.

Элен начала было протестовать, но Габриэлла пригласила Ника подняться на второй этаж и провела его в комнату Лидии. Для него это было суровое испытание. Ему пришлось войти в комнату с закрытыми ставнями. Кровать Лидии была застелена белым покрывалом. На комод выстро-

ились в ряд мягкие игрушки, словно в ожидании возвращения хозяйки. По соседству с ними стояла фотография девушки. Большие лучистые глаза и отливавшие серебром волосы светились в полумраке. Другая фотография была сделана на пляже, когда она пыталась поймать на лету синий мяч. Оторвавшись ногами от песка, она парила над землей.

– Она летает, – сказала Габриэлла. – Уже тогда она была ангелом.

– Хватит, мама. Идемте, Ник.

В коридоре Элен обернулась к нему:

– Моя мать сохранила эту комнату пыток. Я стараюсь пройти мимо, и в то же время мне хочется войти. Порой я вхожу в нее и плачу.

– Поедем в Сан-Франциско, и я исцелю ваши раны.

Он понял, что настал момент удвоить усилия. На его затылке выступили капли пота. Бежать как можно быстрее из этого дома. От матери, в глазах которой уже не осталось слез, но душа навсегда погрузилась в траур.

В гостиной за чашкой кофе Ник надеялся, что мрачная атмосфера наконец рассеется. Габриэлла была занята поисками кофейных ложек, упрятанных куда-то прислугой. Она предложила ему сахар.

– Спасибо, не надо, – сказал Ник. – Ни сахара, ни молока. Я пью только черный кофе.

Запертый в кладовке, пес жалобно скулил. Ему хотелось

бы превратиться в немецкую овчарку, чтобы вонзить острые клыки в ногу гостя. Однако он был всего-навсего несмышленной малюсенькой собачонкой, крошечным Давидом на четырех лапах.

– Расскажите мне о себе, – сказала Габриэлла. – Меня интересует все, что касается вас. Если у вас серьезные намерения, то чем скорее мы расскажем друг другу о нашем прошлом, тем лучше.

– Мама...

– Элен, речь идет о твоей жизни...

– Мадам, я такой же, как все, – ответил Ник.

– А вот и нет. Вы потеряли родителей в юном возрасте. Должно быть, на вашу долю выпало немало душевных переживаний.

– Мне повезло, что моя тетушка Джоан относилась ко мне с поистине материнской любовью. У нее не было детей. А вот ее муж, напротив, терпеть меня не мог. Он придирался ко мне потому, что я не был его родным сыном. Еще больше он не выносил моего друга Робина. Дядюшка постоянно старался разлучить нас, хотя бы на выходные дни.

– Робин?

– Мой школьный товарищ. Мне кажется, я уже говорил о нем. В семидесятые годы его родители приехали на постоянное жительство в Соединенные Штаты из Польши. Его мать работала в колледже заведующей хозяйственной частью. Робин получил право на обучение и стипендию. Мы подружи-

лись с ним. Он тосковал по своей утраченной родине, я – по своим погибшим родителям. Мы морально поддерживали друг друга. Он был намного меньше, чем я, склонен предаваться печальным размышлениям. Более гибкий в этом отношении, он отвлекал меня от грустных мыслей. Благодаря нашей дружбе я стал если не более мужественным, то более жизнеспособным и стойким.

– Дружить с самого детства, как это прекрасно! – сказала Габриэлла. – Представляю, как позднее прелестные девицы наперебой спешили утешить вас. Вы красивый молодой человек...

– Спасибо, мадам, – сказал Ник.

Элен поспешила заметить:

– Мама, ты задаешь бестактные вопросы.

Ник запротестовал:

– Я считаю нормальным, что ваша матушка желает знать все о моей жизни. Не скрою, да, у меня были увлечения. Затем я связался с одной итальянкой. Мне пришлось в угоду моей тетушке пообещать жениться на ней. Однако мои планы изменились. Мадам, ведь каждый человек может сделать ошибку. Главное – вовремя признать ее и попытаться исправить. Когда я впервые увидел Элен, меня словно поразила удар молнии. Мадам, что это было, если не любовь с первого взгляда?

– И вы решили, что это повод, чтобы принять скоропалительные решения? Пораженный ударом молнии или нет, вы

ничего не знаете о моей дочери. А мы ничего не знаем о вас.

Элен прервала ее:

– Если вам станет совсем неважно выносить столь суровый допрос, который устроила вам моя матушка, дайте мне знать.

– Я смогу ответить на любой ее вопрос. Мне нечего скрывать.

«Возможно, я уже выиграл партию?» – подумал он.

– Вы слишком торопитесь, – пришла к выводу Габриэлла. – Дайте себе время на размышление. Вы точно так же, как и моя дочь, должны сто раз подумать, прежде чем сделать столь серьезный шаг, как брачный союз. Надо на расстоянии хорошенько все обдумать. Пишите нам зимой письма. А весной приезжайте в гости.

Элен опасалась столь активного вмешательства матери. Она была уверена, что если Ник сейчас встанет и уйдет, то она его больше не увидит.

Американец был сыт по горло комедией, которую разыгрывала перед ним эта вздорная семейка. Ему казалось, что он был уже у цели, как вдруг его отбросили на исходную позицию.

– Мадам, – начал он. Теперь в его голосе уже слышались металлические нотки. – Есть люди, с которыми вы встречаетесь на протяжении многих лет. Вам кажется, что вы знаете о них все... В действительности же вам видна только верхушка айсберга. Что вам известно об их тайных мыслях и стремле-

ниях? Несмотря на все ваши наблюдения и расспросы, они остаются для вас незнакомцами. Да, самые близкие вам люди порой могут казаться пришельцами с другой планеты. Я убежден в том, что даже члены одной и той же семьи редко бывают откровенными друг с другом. Вы отталкиваете меня только потому, что я не соответствую вашим представлениям и убеждениям. Кроме того, я иностранец, то есть, по вашему мнению, личность подозрительная.

Габриэлла запротестовала:

– Мне очень жаль. Однако я не могу быстро ориентироваться в столь неожиданной для меня ситуации. Расскажите мне еще что-нибудь о своей тетушке. Возможно, что это поможет мне разобраться...

– Она полюбила бретонца, который в решающий момент струсил и не пришел к ней. Они должны были вместе отправиться в Нью-Йорк. Этим побегом должны были завершиться восемь месяцев их любовного романа. Женатый человек, инженер по образованию, он жил в обстановке эйфории послевоенных лет. Он вскружил голову случайно встретившейся ему на пути юной американки, но не любил ее так сильно, чтобы бросить все и уехать с ней. Моя тетья прождала его в Гавре целые сутки. До последней минуты она надеялась, что он придет хотя бы проститься с ней. В итоге она уехала одна. Она так никогда не оправилась от пережитого потрясения. Вот и вся история.

Он поднялся.

– Милая дама, чтобы не получить такие же душевные раны, как тетя Джоан, я лучше уйду. У меня нет никакого желания через двадцать лет вызывать сочувствие друзей рассказом о моей несчастной любви.

И, повернувшись к Элен:

– Я имел счастье и несчастье познакомиться с вами...

– Ник, – сказала она, – не будьте таким упрямым и упертым... Почему вы так спешите?

Габриэлла решила задержать его:

– Будьте снисходительны к нам. Мы – старая нация с давно сложившимися традициями. Мы должны их поддерживать... Вы нравитесь нам...

– Но вы отказываете мне в доверии.

– В доверии? – повторила Элен. – Если бы вы только знали, что означает для нас слово «доверие»! Для нас это больше чем дружба, больше чем любовь... Ник, дайте мне ваш номер телефона.

– Нет смысла. Я проживаю в очень скромном отеле. Если хозяина нет на месте, то оставшийся вместо него служащий не возьмет на себя труд перевести звонок в номер. Он ответит, что я вышел из гостиницы. Впрочем, я спешу поскорее забыть о французском обаянии, жертвой которого пала моя тетушка.

– Позвоните мне сегодня вечером.

– Нет, – заупрямился он, – я не мазохист.

Он вышел из дома. Расчетливый игрок, он не исключал

возможного поворота событий. Из своего закутка Крыса с заметным облегчением залаяла ему вслед. Уже за рулем своей старой машины Ник почувствовал, что выжат как лимон. Его окончательно добило посещение комнаты погибшей под колесами девушки. У красного светофора он успел сплюнуть желчь пополам со слюной. Ему необходимо было выпить глоток чистой воды. Или лучше целую бочку, чтобы прийти в себя после общения с великодушными, и гостеприимными, и такими жестокими французами. Экзальтированные и в то же время весьма практичные люди. Опасное сочетание.

– Мама, возможно, он был моим последним шансом.

– У тебя еще все впереди... – начала Габриэлла. В ее голосе чувствовалась неуверенность.

– Что?

– У тебя еще будет не одна возможность построить семью с кем-либо из местных мужчин.

– Я не хочу никакой семьи. Во всяком случае, в ближайшем будущем. У меня уже есть семья: ты и папа. Мне кажется, что это большая глупость, если не трусость, отказаться от такой заманчивой перспективы... Завтра я уеду в Париж. Побродить по музеям, посмотреть новые фильмы.

Когда вечером судья возвратился домой, он заметил, что у Габриэллы покрасневшие глаза, словно она недавно плакала. Пока она подробно описывала ему события прошедшего дня, к ним присоединилась Элен. Она была бледна и молча-

лива.

Корнель покачал головой:

– В этой истории вы выглядите не лучшим образом. Если вам так понравился этот молодой человек, почему вы его выставили за дверь?

Элен воскликнула:

– Потому что я совершенно теряюсь, когда речь идет о моей судьбе. Я не способна использовать свой шанс! Я даже не могу ему позвонить. Он не захотел дать мне свой номер телефона.

Судья посмотрел на нее. Он размышлял.

– Терпение, мадемуазель Корнель. Успокойтесь. Не надо посыпать пеплом голову.

Он улыбнулся.

– А пока принеси-ка мне стакан воды. Из моего кабинета.

Когда она пришла, судья протянул ей листок, вырванный из его рабочего блокнота.

– Вот адрес и телефон Фэрбенкса.

Она взяла протянутый клочок бумаги.

– Отель «Азалия» и номер... Папа, откуда у тебя это?

– У меня есть друзья, которые всегда готовы помочь мне.

– Какие друзья?

– Никогда не спрашивай у судьи, откуда он черпает сведения.

Он сделал для себя открытие: его дочь в самом деле не хотела терять американца.

– А если он спросит, как я узнала его адрес?

– Скажи ему правду. «Мой отец запросил о вас эти сведения. Ему сообщили ваш адрес. Он увидел, что я расстроена, и решил помочь мне».

Затем более строгим тоном он добавил:

– Будь любезна, не докучай мне больше своей сентиментальной историей. Представь себе, что ты на яхте. Готова ли ты или нет повернуть штурвал? Решай сама.

Судья уже знал от Дюваля, что в Сан-Франциско на Буханан-стрит действительно проживала в собственном доме некая госпожа Фэрбенкс, богатая и весьма уважаемая в городе особа, принадлежавшая к высшему обществу. Совсем недавно она скоропостижно скончалась. У нее был племянник Ник.

Фэрбенкс небрежно кивнул албанцу, заменявшему за стойкой хозяина гостиницы, и торопливо поднялся по лестнице. Приоткрыв дверь в номер Робина, он заявил:

– Все кончено! Возвращаемся. Я позвоню Аните.

Робин просиял:

– Слава Богу! Входи, брат. Входи и рассказывай. Я хочу насладиться твоим провалом и отпраздновать нашу свободу. Что она с тобой сделала, твоя спортивная красotka?

– Она вместе со своей матерью дала мне от ворот поворот. Вопросы, аргументы, замашки снобов, французская логика... Нужны годы, чтобы подобрать к ним ключи.

Робин радостно потирал руки:

– Чем хуже, тем лучше. Чем больше отрицательных эмоций ты переживешь, тем быстрее поладишь с Анитой. Она хорошо ко мне относится, поскольку знает, что я на ее стороне. Доказательство – медаль. Как только ты получил ее, она мне подарила точно такую же.

– И что ты с ней сделал?

– Я бросил ее в какой-то карман.

Он потянулся:

– Алисия выжала меня как лимон. Ее оргазмы можно измерять по шкале Рихтера.

– Твоя сексуальная жизнь интересует меня меньше всего! – воскликнул Ник. – Через час мы отправимся в ресторан, чтобы съесть по большому бифштексу. Я зайду за тобой. Мне надо поскорее сложить вещи, собрать документы, разобрать бумаги. До скорой встречи.

Робин пребывал в эйфории. Нет больше никакой опасности. Итальянка возвращена на свое место. Какой прекрасный круиз ждет его впереди! Он уже видел себя на борту «Иоко II», подплывавшей к Золотым воротам. Когда находишься на палубе и смотришь в небо сквозь ажурную решетку моста, понимаешь, что стоишь на пороге великих открытий... Ты наконец увидишь и Японию, и Гавайи. Перед тобой открываются необозримые просторы!

Его мечты прервал неожиданный звонок телефона. Он нехотя снял трубку. Это была Элен. Когда он услышал голос

француженки, он почувствовал себя так, словно его вернули с небес на землю. Вдруг она спутает все карты?

– Алло?

– Привет, Ник, – сказала Элен. – Прошу вас вернуться к нам, мне надо вам столько всего сказать. Я подумала и...

Надо поскорее нанести ответный удар.

– Вас неправильно соединили, – прервал он ее на английском языке. – Я Робин, друг Ника.

Смутившись, Элен принялась извиняться:

– Простите, что я побеспокоила вас. Где Ник? Если меня соединили с вами, по-видимому, он вышел из отеля.

– Да, это так. Он вышел.

– Господин...

– Раскин.

– Господин Раскин, в котором часу вернется Ник?

Робин решил помучить француженку.

– Понятия не имею. Я видел его только мимоходом. Он спешил, чтобы позвонить своей невесте.

– Невесте?

– Да, одной молодой итальянке. Однако кто вы?

– Я думала, что вы уже догадались. Меня зовут Элен Корнель. Вам должно быть известно мое имя.

– Ваше имя?

Его забавляла возможность поиздеваться над ней.

– В самом деле, я вроде бы однажды где-то слышал его. Однако Ник испытывает настолько нежные чувства к своей

невесте, что никакое другое женское имя не упоминается в наших с ним разговорах. Дайте подумать... Вы, случайно, не дочка судьи? Кажется, вы давали ему какие-то технические советы по поводу яхт или что-то в этом роде...

– Мне очень жаль, что я побеспокоила вас, – сказала Элен.

– Может быть, вы хотите что-нибудь ему передать? Я хочу вам сказать, что мы завтра уезжаем из Ренна.

В этот момент хозяин вернулся в ресепшн. Он заметил, что на коммутаторе горит лампочка 401-го номера.

– Кто-то звонит господину Раскину?

– Нет, назвали другую фамилию.

– Фэрбенкс? Дурак! Настоящий дурак! Его номер находится рядом, это 402. Я вам говорил это уже раз двадцать.

Албанец пожал плечами. Такая ошибка была мелочью по сравнению с тем, что творилось в его стране.

Хозяин вмешался в разговор на линии:

– Я вынужден вас прервать. Вас соединили по ошибке.

– Алло? – сказала Элен. – Алло?

– Мадам, не кладите трубку. Я сейчас соединю вас с господином Фэрбенксом.

– Но...

– Оставайтесь на линии.

Он перевел вызов на другой номер.

– Фэрбенкс.

– Ник, это вы? Вы на месте?

– Элен... Привет. Я собираю вещи.

С облегчением и в то же время с тревогой в голосе она произнесла:

– Ваш друг Робин утверждал, что вы куда-то вышли.

– Видимо, он так подумал. Я вполне мог уйти. Откуда вы узнали мой адрес?

– От папы.

– Он навел обо мне справки?

– Да.

Ник решил не высказывать своего мнения по этому поводу.

– Bravo. Чем я могу быть вам полезен? Еще раз поблагодарить за то, что мне утерли нос...

– Может быть, встретимся...

– Чтобы лишний раз прочитать мне нотацию?

– Ник, я приглашаю вас завтра в час дня позавтракать со мной в ресторане «Пале».

Робин приоткрыл дверь. Ник тут же прикрыл ладонью трубку.

– Не слушай ее! Положи трубку. Пусть она катится ко всем чертям, – прошипел злобно Раскин.

– Кто-то вошел в ваш номер? – спросила Элен.

– Робин.

– Он сказал, что вы обручены и влюблены в свою невесту.

– Прелестная итальянка – его лучшая подруга. Естественно, что он ее защищает. Вот и все.

Робин провел рукой себе по горлу со словами: «Положи

трубку!»

– Вы принимаете мое приглашение? – спросила Элен.

– Если вы настаиваете... После завтрака я уеду в Париж.

– Неважно... Завтра в час дня я жду вас в ресторане «Пале».

Ник положил трубку и пошел в сторону Робина. Прижавшись к стене, его друг сделал испуганное лицо.

– Только не бей меня, братишка.

– Успокойся, – процедил сквозь зубы Ник, приблизившись вплотную к Робину. – Независимо от того, что ты ей там наговорил, мои дела налаживаются. Твоя злость пошла мне даже на пользу. Отныне она знает, что у нее есть реальная соперница. И это будет побуждать ее к активным действиям. Ее уже один раз бросили из-за какой-то молоденькой девчонки. Теперь ей представляется случай отбить мужчину у другой...

– Ты сделаешь большую ошибку, если увидишься с ней, – сказал Робин, отстраняясь от него. – Она принесет нам несчастье. Я это знаю.

Габриэлла приоткрыла дверь в кабинет мужа:

– Некий господин Рейнхард утверждает, что у него с тобой назначена встреча. Он ждет тебя в вестибюле.

– Пусть войдет.

Судья закрыл досье, над которым работал, и собрал в стопку некоторые документы. Раздался стук в дверь.

– Да, – сказал он.

В комнату вошел тщедушный на вид молодой человек среднего роста в светло-сером костюме. Русые, слегка вьющиеся волосы. Очки в дорогой оправе.

Судья вышел ему навстречу и протянул руку:

– Здравствуйте, господин Рейнхард.

– Господин Корнель.

Судья продолжал:

– По телефону мне показалось, что вы чем-то весьма взволнованы. Я так ничего и не понял. Чем я могу быть вам полезен?

Молодой человек посмотрел на него. На его скулах неожиданно выступил румянец.

– Я пришел поговорить не с судьей, а с отцом...

Корнель побледнел.

– ...Лидии.

Легкий немецкий акцент только подчеркивал безукоризненное владение французским языком.

– Я постараюсь, – сказал Корнель, – забыть на время, что судья является отцом. Садитесь.

Он указал на кресло напротив письменного стола, а сам устроился напротив, спиной к свету.

Немец вынул из кармана сложенную в несколько раз газетную страницу.

– Я увидел это в «Уэст-Франс».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.